

ЛОСИ

АКК
РИНЬЕ
РМЯ

7

В. П. ...

ЧИТАТЕЛИ

*Просим сообщить Ваши
отзывы об этой книге по
адресу: Москва, Центр, Варварка,
Псковский пер., 7 Информа-
ционный Отдел
З И Ф*

СЕРИЯ „ЛИКИ ЗВЕРИНЫЕ“
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛ. А. ПОПОВА

ЛОСИ

НЕОБЫЧАЙНЫЕ РАССКАЗЫ ИЗ
ЖИЗНИ РУЧНЫХ И ДИКИХ ЛОСЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Лоси. Очерк (по Брэм у).— Лось-великан. Рассказ Чарльса Робертса.— За белым лосем. Рассказ Мортимера Батгена.— Необычайный гость. Рассказ Чарльса Робертса.— Рогатый во . Рассказ А. Барченко.— Длиннобородый и Ширококорый. Рассказ о русских лосях С. Покровского.— Лесное братство. Рассказ А. Герберта.— Ло и-бегля. цы. Рассказ Чарльса Робертса.—

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Обложка и 4 рис. худ. В. Ватагина.
Отпечатано в типографии Госиздата
„Красный Пролетарий“, Москва,
Пименовская улица, дом 16,
в кол. 10.000 экз. 8³/₄ л.
Главлит № 81204.
MCMXXVII.

Л О С И

Очерк (по Б р э м у)

Лось, или сохатый,—это мощное, сильное, но в высшей степени неуклюжее животное. Старые лоси достигают громадных размеров и имеют до 50 килограммов весу. Туловище лося короткое и толстое, грудь широкая; на загривке имеется небольшая горб. Ноги высокие и сильные, снабжены копытами. Морда лося, вытянутая и как бы вздутая, резко притуплена спереди.

Главное украшение лося—громадные рога, достигающие 20 килограммов весу, и усаженные многочисленными отростками. Ежегодно лось, как говорят, «сбрасывает» рога, и на месте их вырастают новые. У самки рогов нет.

Шерсть лося длинная, густая и жесткая, рыжевато-бурого цвета.

Лоси живут в диких, уединенных лесах, причем любят низко лежащие, сырые местности.

Если лосей потревожат в избранной ими местности, они тотчас же всем стадом переселяются в другую.

Лось очень осторожен и на кормежку выходит только вечером и бродит по лесу целую ночь. Пища лося состоит из отпрысков ивы, березы, ясеня, сосны и других деревьев.

Лось хорошо умеет плавать. Убегая от опасности, он часто ищет спасения в воде, но нередко купается или зимой валяется в глубоком снегу просто ради удовольствия.

Кроме человека у лося много врагов и среди зверей: волки, рыси, медведи и росомахи. Лось защищается от них рогами и твердыми острыми копытами.

Лоси, пойманные в молодости, легко становятся ручными. На севере они употребляются, как и олени для езды на санях,—лоси очень быстры на ходу и выносливы.

Выгода, получаемая человеком от убитого лося, очень значительна. Мясо лося употребляется в пищу; шкура выделывается в кожу или идет на теплую шубу. Рога лося употребляются как стеное украшение и ценятся довольно дорого.

Лоси водятся главным образом в Азии, по всем северным лесам от 50° широты до Амура. В Европе лось водится в Швеции, Норвегии, и на севере СССР.

На севере Америки водится так называемый американский лось; он отличается от обыкновенного темной окраской шерсти и огромными, глубоко зазубренными лопатообразными рогами.

Иногда, чрезвычайно редко, встречаются белые лоси, с совершенно белой окраской шерсти.

ЛОСЬ-ВЕЛИКАН

Рассказ Чарльса Робертса

I. Лось-гигант

С берегов холодных родниковых озер, из глубины дремучих лесов, над которыми высится гранитный пик Старого Согамока, начали приходить вести о лосе,—о лосе-быке дивной величины, о таком лосе, рога которого вдвое шире и длиннее, чем все виденные до той поры.

Слухи этих разносили вернувшиеся с севера плотовщики, подтверждали их с клятвами бродячие индейцы и наконец в поселках на низовьях реки люди говорили, что, пожалуй, это не пустые сказки, что есть, должно быть, в этих словах и доля правды...

Потом, когда уже наступила осень—пора лосиных поединков на берегах озер при свете полного месяца, стали приходить вести и о других лосях, бежавших в ужасе, с разодранными боками и залитыми кровью плечами; из этого следовал вывод, что храбрость и сила лося-великана стоят его роста и красоты. Стало быть, он

прогонял всех других быков вон из окрестностей Согамока.

В конце концов лосем заинтересовались и проводники Нового Брауншвейга, мастера по части устройства охот для охотников-любителей, приезжавших в их край, чтобы поохотиться на серых гриззли и злых канадских лосей...

Рассказы о гигантском лосе шли из разных мест, и даже опытные проводники никак не могли решить, где именно находится лось-великан. Обходом на северо-восток пошли двое Армстронгов, а с юго-востока на розыски следов лося пустился охотник Кримминз.

Встретить лося посчастливилось Чарли Кримминзу. И он не только видел лося собственными глазами, но и на собственных ногах удирал от него, когда тот ломился за ним сквозь чашу ельника. В безумном страхе Чарли все-таки добрался до высокого дерева как раз во-время и с быстротой белки вскарабкался по его стволу. И тут дерево дрогнуло и затрещало; злобный бык кинулся на него со всей своей силой и тяжестью.

Во время бегства Кримминз потерял винтовку, и обороняться от зверя или хотя бы пугать его было нечем. Оставалось только одно: как можно крепче держаться на дереве, ожидая конца осады. Действительно, лосю скоро надоело кидаться на дерево, и он ушел опять в чашу к своему стаду.

Просидев еще час на дереве, перепуганный Чарли наконец слез и понес в поселок свой рассказ,

о лосе-гиганте, который, по его словам, был не меньше крупного слона.

В течение охотничьего сезона доводилось несколько раз повидать великана-лося и другим охотникам, но лишь издали, с ветвей высоких и крепких деревьев, и рассказы всех очевидцев говорили об одном и том же.

Лось-великан был на верных шесть вершков выше в плечах, чем обычный лось Нового Брауншвейга; соответственно этому он был и гораздо сильнее. Его рога, несравненной ветвистости и красоты, были на глаз, по крайней мере, в полтора метра длиной. Это основательно рассчитал сам дядя Адам, всеми уважаемый старшина проводников той местности, которому выпал случай наблюдать лося с дерева, немного менее высокого и устойчивого, чем какое он выбрал бы, если бы имел время выбирать.

Мастью великан был так темен, что его бока и спина казались совсем черными, когда их не освещало яркое солнце. Его огромная голова, с длинной, низко свисающей тупой мордой, была темнокоричневого цвета; брюхо и ноги с внутренней стороны переходили в светлобурый оттенок; «колокол»,—так называют длинный, мохнатый придаток, висящий у лосей-быков на шее пониже глотки,—у него был необыкновенной, даже по его росту, величины, и жесткая шерсть на нем так и блестела...

Но хотя молва о лосе-великане распространилась повсюду, место его пребывания оказывалось удивительно неопределенным. Его видели в Ниписичите, в Донравене, и никогда только, по какому-то странному случаю, не встречали в окрестностях Старого Согамока.

II. Поединок лося с медведем

Встретить лося в Старом Согамоке посчастливилось опять тому же охотнику Чарли Кримминзу.

Чарли направлялся в Ниписичит, когда ему вдруг пришло в голову, что недурно бы, пожалуй, еще раз взглянуть на великана-лося, которого уже давно никто не видел.

Сказано—сделано. Содравши полосу белой коры с березы, Чарли сладил из нее рожок, так называемую «лосиную манку», и забрался в густую листву ивы, склонившейся над отмелью озерного берега. Из этой своей засады он с большим искусством начал «манить», производя пищиком длинные, печальные и очень негармоничные звуки, которыми лосиха дает знать самцу о своем присутствии.

Не проделал Кримминз своего обманчивого призыва и дважды, как кусты, обрамлявшие отмель сбоку от него, сильно затрещали.. Но не лось выступил на сцену, ярко освещенную месяцем, а явилась корова-лосиха, которая принялись бесцельно бродить по отмели.

Вдруг щетина ее гривы опала, вся она словно сжалась и, отскочив конвульсивным прыжком от прибрежной заросли, с плеском помчалась по мелкой воде берега. В то же мгновение из чащи поднялся огромный медведь и с поднятыми передними лапами и разинутой пастью кинулся на место, где только что была лосиха...

Озлобленный неудачей, он пустился было вдогонку за намеченной жертвой. Но лосиха, несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, неслась, как стрела. Почти вовсе не уменьшая быстроты, она взметнулась на крутой откос берега, нырнула в заросль и исчезла в лесу.

Медведь, пробежавши несколько шагов, сразу остановился у края воды и медленно обернулся, подняв нос кверху.

Кримминз нерешительно поднял к плечу ложе винтовки. Свалить медведя или подождать и еще немножко «поманить» пищиком, не выйдет ли все-таки большой лось?.. Пока он колебался и темная фигура на блестящей под светом месяца отмели тоже стояла в нерешимости, кусты еще раз затрещали и раздвинулись. Почти под самым деревом, где сидел Кримминз, выступил на отмель сам таинственный великан-лось.

С вытянутой вперед головою и настороженными ушами он явился на зов лосихи; когда же вместо нее перед ним оказался медведь, он расшвирипел. С угрожающим ревом лось, как молния, ринулся на медведя.

Медведь, у которого только недавно индейцы застрелили медведицу, вовсе не был расположен к уступчивости. Его глаза вдруг вспыхнули яростью. Он повернулся, как на шпиле, и, весь подбравшись и наклонясь вперед, приподнялся на задние лапы, чтобы встретить страшную атаку. В этом положении он мог всю свою огромную силу в каждое мгновение направить в любую сторону.

Имей лось дело с соперником своей породы, он напал бы на него, наклонив рога вперед, но против всех других врагов оружием его были заостренные, как резцы, чудовищные передние копыта. Домчавшись до неподвижно ждавшего противника, лось вдруг взвился на задние ноги и упал всей тяжестью на передние копыта, ударив ими вперед и вниз, одно вслед за другим...

Медведь отскочил в сторону легко и быстро, как заяц, но все-таки лишь на какой-нибудь волосок увернулся от этих смертоносных ударов. В то же мгновение он отвесил страшный удар своей когтистой лапы по плечу нападавшего животного.

Всякий другой бык-лось свалился бы от такого удара, как подкошенный, с раздробленными вдребезги костями плеча. А великан лишь пошатнулся немного и на секунду приостановился в изумлении... затем прыгнул и кинулся на медведя с каким-то странным воем. Он не поднимался, чтобы бить копытами, не наклонялся, чтобы бодать, он, повидимому, рвался загрызть медведя зубами...

Глядя на такую невиданную, чудовищную злобу, Кримминз невольно крепче схватился за ствол ивы.

Несмотря на всю свою тяжесть и силу, медведь не мог выдержать ударов великана-лося и, сбитый с ног, покатился кувырком по склону озерной отмели. В ту же минуту и лось, ослепленный бешенством и не будучи в силах остановиться, споткнулся о ствол дерева, лежавший в кустах, и грохнулся через него так, что задние ноги его взвились высоко кверху.

Медведь вскочил все-таки раньше своего победителя и кинулся со всех ног искать убежища, словно мышь, вырвавшаяся из когтей кошки. Он выбрал для этого ближайшее дерево, а это ближайшее дерево, к крайнему неудовольствию Кримминза, было именно то, на котором охотник сидел. Встревоженный человек полез поскорей на верхнюю ветку, которая под его тяжестью согнулась и низко опустилась над водой.

Раньше чем лось поднялся на ноги, беглец был уже на полпути от ивы; но, как ни был он отчаянно быстр, несшийся за ним противник, оказался еще быстрее и настиг его как раз в ту минуту, когда медведь принялся карабкаться на дерево... Рога лося подсадили медведя, да так, что он жалобно взвыл от боли и страха.

В следующее мгновение он, с оборванной в клочья кожей на окороках, стал уже недосыгаемым для второго удара рогов; но огромный лось,

взвившись на задних ногах, ударил его страшными копытами и чуть не убил. Медведь завопил еще сильнее, но удержался кое-как и наконец взобрался на безопасную высоту, где, припав с жалобным пыхтением к толстой ветви, сидел смирнехонько, между тем как его победитель бесновался внизу.

Вдруг медведь заметил Кримминза, пристально смотревшего на него. Для совсем обескураженного зверя это была новая угрожавшая ему опасность. С крайним испугом медведь перелез на другую ветку, как можно подальше от нового врага, и прикорнул на ней, взвизгивая и дрожа, словно побитый щенок, и переводя унылые взгляды с человека на лося и с лося на человека, в страхе, что вот-вот они оба вместе накинутся на него.

Но сочувствие Чарли было теперь всецело на стороне несчастного медведя, его товарища по плену. И он поглядел вниз, на беспощадного лося, с искренним желанием умерить его задор и самоуверенность ружейною пулей.

Однако он был слишком дальновидный и понимавший выгоды охотников проводник, чтобы сделать это. Он удовольствовался тем, что перелез на другую, нижнюю ветку и, привлекая на себя внимание великана, высыпал в его храпящие красные ноздри добрую горсть сухого и перетершегося у него в кисете, как порошок, табаку.

Сделано это было ловко, как раз в тот момент, когда лось переводил дыхание. И медведь и

человек мгновенно исчезли из глаз и памяти ошалевшего великана. Казалось, что от ревуших чиханий его огромное тело вот-вот разлетится на куски. Лось буквально становился на голову и ввинчивал морду в мягкую сырую землю, словно надеясь закопать в ней мучителя, забравшегося ему в ноздри.

Кримминз помирал со смеху, чуть не валясь со своей ветки, а медведь перестал даже пыхтеть и скулить, изумленный и совсем сбитый с толку.

Наконец лось вскинул морду высоко вверх и стал пятиться, не видя куда, через камни и кусты, по отмели и по воде озера. Он все пятился, словно стремясь уйти от собственного своего носа, до тех пор пока, миновав мелководье, не сорвался вдруг с уступа в более глубокое место, где воды было метра полтора.

Толчок и освежающий холод ледяной воды, очевидно, навели его на новую мысль: он погрузил голову в воду и принялся вертеть ею, кашляя, отфыркиваясь и производя такое шумное волнение, что эхо раскатывалось далеко вдоль берега озера. Потом сразу выпрыгнул на отмель и пустился бежать прямо через кусты, лесом, будто тысяча охотничьих рогов затрубила ему прямо в уши.

Совсем ослабевший от хохота, Кримминз слез по ветке на землю, дружески кивнул на прощанье присмиревшему медведю и пошел своим путем, довольный удавшейся мезтью.

III. Поимка лося

В следующие два года слухи о великане-лосе разошлись далеко, чуть ли не по всей Америке.

Любители-охотники съезжались со всех сторон в надежде прославиться победой над ним... Они избивали во множестве коз, оленей, лосей и медведей, но уезжали все-таки разочарованные, не увидав лося-великана. Местные охотники тщательно скрывали его местопребывание. Наконец все они стали сомневаться в действительности существования такого лося и стали говорить, что все это не более и не менее, как выдумки новобрауншвейгских проводников, ловко затеянные для того, чтобы заманивать к себе охотников.

Тогда и сами проводники стали подумывать, не пора ли представить доказательство правды. Решил было закончить дело с великаном и старшина их дядя Адам, как вдруг явился приказ из Фредерикстона с строжайшим запрещением убивать прославленного лося.

Предписывалось новобрауншвейгским лесникам, известным под названием проводников, поймать лося, за что назначалась крупная награда, и препроводить в зоологический сад, где он будет украшением и живою рекламою новобрауншвейгских лесов.

Мысль поймать живым лося показалась невероятной всем проводникам, в особенности видевшему

Лось-великан' взвился на задние ноги и упал всей своей тяжестью на передние копыта, предназначая удар для медведя...

сражение его с медведем Кримминзу, но дядя Адам, колоссальный рост и огромная сила которого как будто давали ему право на равенство и даже на некоторую фамильярность с великаном-лосям, объявил, что это «можно и надо сделать, потому он это и делает».

После этого всякие сомнения, конечно, исчезли. И тот же, раньше потешавшийся насчет поимки великана, Чарли Кримминз явился выразителем общего мнения, сказав:

— Ну, коли так, дело десятое. Дядя Адам не такой человек, чтобы откусить больше, чем он может проглотить.

Дядя Адам, однако, не спешил с поимкой лося. Переждал он время лосиных боев—конец лета; переждал охотничью пору—осень, пропустил и первую половину зимы, укрощающей лосиную гордость и злобу. Он рассчитывал на вторую ее половину, когда гигантские рога великана-лося ослабнут и спадут с его головы от толчка о какую-нибудь самую тоненькую ветку.

Опытный старый проводник знал, что в эту пору лоси бывают всего доступнее. Кроме того в половине зимы все низины и перелески, где лось любит кормиться, покроются глубокими сугробами снега, по которым трудно пробираться тяжелому зверю.

В половине февраля до дяди Адама дошла весть, что черный лось водворился, или «стал», как говорят охотники, на южном склоне Старого

Согамока с тремя коровами-лосихами и их прошлогодними телятами.

Это значило, что когда благодаря слишком глыбокому снегу маленькому стаду оказалось уже невозможно бродить повсюду, его повелитель и защитник выбрал укромную лощину. Она вся заросла березняком, осинником и диким вишенником, любимым лосиным кормом, и по ней лось протоптал глубокие тропы к местам, где корм был в особенном изобилии. Все эти тропы сходились в одно место, к группе густых елей, под которыми было тихо и спокойно даже в самые страшные бури.

Вот этой-то вести и ждал умный старый проводник и тогда с тремя товарищами, с парой запряженных в огромные сани лошадей и добрым запасом веревок Адам отправился на поимку лося.

Было ясное, тихое утро и такой мороз, что большие деревья то-и-дело раскатисто трещали. Люди шли на лыжах, оставивши лошадей с санями в чаще, около ряда холмов, покрытых неглубоким снегом, за полверсты от лосиного «становища». Солнце сверкало и переливалось на разбросанных по лесу полянках. Нетронутый, лежавший в течение долгих месяцев снег возвышался причудливыми кучами над поваленными стволами, пнями и камнями. Лыжи тихо шуршали, врезаясь в слегка похрустывающий наст.

Издалека слышал этот шум подозрительный великан-лось, лежавший со своим стадом в укромном уголке под соснами. Он вскочил на ноги и

стал чутко прислушиваться, а остальные беспокойно смотрели на него, ожидая тех или иных распоряжений.

Лось-великан мало знал человека, но то, что он знал о нем, не внушало ему к людям большого уважения и тем более страха. Однако в это время года, когда кровь его была холодна, когда голова его была лишена ее боевого украшения, он почувствовал вдруг что-то непонятное,—не то робость, не то опасность, и смутно сознавал, что в людях таится какая-то угроза.

Еще немного месяцев тому назад он затоптал бы людей своими страшными копытами, отбросил бы в стороны ветви деревьев огромными рогами, бурей кинулся бы на незваных гостей и жестоко наказал бы их за дерзость. Но теперь он, вдохнув морозный воздух, с неудовольствием фыркнул и, опустив широкие уши, показал своей семье путь к быстрому, но стройному отступлению по одной из тропинок к дальнему концу становища.

Именно на это и рассчитывал хитрый дядя Адам. Он хотел выгнать стадо из лабиринта перекрещивающихся тропинок, по которым лоси могли быстро бежать, прорваться мимо людей и уйти в бесснежные предгорья; хотел сбить стадо в дальний тупик, на глубокий мягкий снег, которым была покрыта долина вплоть до большого дальнего леса, и догнать стадо, увязшее в снегу.

Расставивши своих людей на тропах, по которым лоси могли бы вернуться назад, дядя Адам

бегом пустился в погоню. И на бегу он то протяжно и грубо вопил, то резко вскрикивал, то дико смеялся и громко гоготал. Знаток лесного мира, дядя Адам знал, что нет звуков страшнее для диких животных, чем громкий человеческий хохот.

В другое время эти наглые крики привели бы в ярость великана-лося и были бы им приняты за вызов, но теперь он отступил в самый дальний угол своего становища. Отсюда шли только две тропы, по которым можно было вернуться, но на обеих теперь слышались приближавшиеся крики. Сзади расстилалась снежная равнина, на которой старый лось увяз бы до плеч, а телята утонули бы с головами.

Лось взглянул через равнину на дальний кедровый бор, где ему легко было бы укрыться от назойливых врагов. И его храбрость вернулась к нему. Спасти стадо—было его первой заботой. Лось поставил стадо тесной кучей между собой и снегом и повернулся грудью к преследователям, подбегавшим с шумом и криком.

Когда дядя Адам увидал, что лось готов скорее биться, чем отступать дальше в глубокий снег, он повел наступление осторожнее и медленнее, пока все его помощники не оказались шагах в пятидесяти от скупившегося стада. Тут он велел остановиться, потому что вожак стада стал угрожающе топтать огромными копытами, и ярость, вспыхнувшая в его глазах, показывала, что он каждую минуту готов броситься на врага.

Однако лось не бросился на людей: его внимание было привлечено странными поступками охотников, которые, перестав кричать, принялись за рубку деревьев. Он с удивлением смотрел, как сверкающие топоры врубались в дерево и белые щепки брызгами летели из-под них. Все стадо насторожилось, с любопытством и опасением вытаращив глаза. Вдруг дерево качнуло вершиною, провело его по прозрачной синеве неба и рухнуло с треском и гулом поперек одной из тропинок. Коровы и телята в диком ужасе кинулись на снег. Но вожак, хоть в глазах его и отразилось тупое изумление, не двинулся с места и только гневно захрапел.

Еще мгновение, и поперек второй тропы рухнуло другое дерево, ветвистое и густое. Потом повалились еще два, и отступление было совершенно отрезано стаду. Конечно, великан-бык, неслыханно сильный и быстрый, пробил бы себе путь сквозь преграду, но другие, чтобы добраться до спасительных тропинок, должны были двинуться обходом, через снег, для них непроходимый.

Хотя лось теперь и оказывался припертым в угол, но дядя Адам никак не мог придумать, как вести дело дальше. В нерешимости он повалил еще несколько деревьев, из которых последнее упало так близко от стада, что все оно, не исключая и быка, должно было отпрыгнуть в снег, избегая удара верхушки. Это было уже слишком для вожака, который до этой поры не знал, что значит быть сбитым в кучу. Пока его коровы в

ужасе утопали в снегу, он взревел с бешеной злобой и кинулся на своих преследователей.

Хотя глубина снега доходила ему до плеч, его гигантская сила и быстрота были так велики, что проводники оказались захваченными врасплох, и сам дядя Адам, бывший впереди всех, чуть-чуть не попался. Он быстро отпрыгнул назад, но, подвернись у него лыжа или зацепись она за что-нибудь хоть на четверть секунды, и дядя Адам оказался бы в снегу, под ногами у черного лося.

Видя своего старшину в такой беде, другие проводники подняли уже было винтовки на прицел, однако дядя Адам уловил их движение, и на бегу строго крикнул им: «Не стрелять!» Он знал, на что идет, и был уверен в себе.

Шагов сорок или пятьдесят смог лось гнаться за ним с такой же невероятной быстротой. Потом немолимое сопротивление снега стало сказываться даже на таких легких, какие были у зверя. Лось начал сдавать в резвости, но злоба его не утихала.

Дядя Адам замедлил свой бег, и гонка продолжалась. Но она становилась все тише и тише, пока не окончилась: дядя Адам оказался на сажень впереди, а лось, все еще безумный от злобы, был бессилён двинуться еще хоть на вершок вперед или назад.

Тогда дядя Адам приказал подать ему веревки. Было тут, конечно, брыканье, бешеное лязганье зубами, дикий храп; но проводники—народ ловкий и осторожный, и через полчаса лось уже

лежал на боку, спеленатый так надежно, словно индейский младенец в своей люльке из березовой коры, и ему оставалось только храпеть и фыркать от бешенства и злобы

Связанный лось был привезен в поселок на санях, запряженных терпеливыми и послушными лошадьми.

IV. Великан в неволе

С этой минуты жизнь для лося стала какой-то непрерывною сменой грохочущих толчков и остановок... Его перетаскивали из одного странного решетчатого ящика в другой, в которых его везли куда-то, в неведомый мир. Сквозь решетки, он видел, как деревья, поля и холмы неслись мимо него в безумном беге.

Его вынимали из ящика, и шумная толпа окружала его, беспомощно лежащего, и глазела на него, разинув рты и вытаращив глаза, пока наконец черная грива на его плечах не начинала подниматься от ярости и гнева... Потом кто-то прогонял прочь толпу, и лось вновь погружался в серый туман отупения. Одно чувство глухой вражды ко всему оставалось в нем.

Наконец он прибыл в шумную местность, где не было деревьев, а только какие-то, как ему казалось, большие, высокие, обнаженные скалы, красные, серые, желтые, зеленые; они были все в дырах, около которых суетились люди, как муравьи. Эти страшные скалы двигались двумя бесконечными

рядами, пока лося не привезли к просторному полю с редкими деревьями на нем. Тут негде было укрыться от чужих глаз, не было густой, тенистой чащи, чтобы спокойно полежать в ней; но все же здесь веднелись зеленые ели, был простор и хоть какой-нибудь покой.

И когда лося развязали и оставили здесь, он даже обрадовался и, подняв голову, стал жадно вдыхать дрожащими ноздрями свежий воздух.

Люди, доставившие его в «парк для крупных животных» зоологического сада, как на их языке это называлось, и в «тесный телячий загон», как сказал бы великан-лось, привыкший к беспредельным пространствам лесов, если бы умел мыслить и выражаться по-человечески,—эти люди, освободив пленника от его уз, стояли теперь и с любопытством смотрели на великана. В течение нескольких минут он не видел их, забыл о них. Затем его злоба и ненависть мало-помалу начали возвращаться к нему. Выражение его глаз изменилось, в глубине их загорелся гордый, неустрашимый огонь... Грива зашевелилась...

— Пора уходить. Новичок наш, видимо, собирается подумать о сведении кое-каких счетов,—спокойно заметил директор, обращаясь к старшему смотрителю сада и другим служащим.

Все они двинулись назад, к тяжелым воротам, и в тот самый момент, как они достигли выхода, с диким оглушительным ревом, какого еще не слышали эти места, лось ринулся на своих тюремщи-

щиков; но те юркнули в ворота, захлопнули их и задвинули массивные засовы.

И как раз во-время. В следующее мгновение великан ударил всей своей тяжестью в преграду. Огромные крепкие петли и железные прутья ограды около ворот звякнули, задрезжали и даже чуть подались под страшным толчком. Но в тот же миг выпрямились и отбросили назад нападавшего.

Лось с недоумением взглянул на препятствие, такое слабое по виду и такое непреодолимое... Потом он отвернулся с презрительным видом и пошел осматривать свои новые владения.

Сперва лося называли «Великан дяди Адама». Но вскоре служащие и посетители сада сократили, как это всегда бывает, данное животному название, и вместо «Великана дяди Адама» в лосином загоне оказался «Дядя Адам»...

Между тем пленник заинтересовался осмотром своих новых владений, и негодование его стало остывать. Уединиться здесь было негде: лиственные деревья стояли обнаженными, а хвойные — далеко одно от другого. Не было густых еловых и можжевеловых зарослей, в которые он мог бы уйти. Но от надоедливых людских глаз все-таки можно было спрятаться за какой-то грубой деревянной постройкой; а там оказались ледяные сосульки, висевшие с крыши, и сугроб снега под стеною, холодное прикосновение которых к морде и языку помогало лосю почувствовать себя здесь, как дома...

Лось пошел дальше через отлогий холм, в долинку. Здесь вдруг среди деревьев он наткнулся на странное препятствие, похожее на гигантскую паутину. Сквозь нее он мог явственно видеть места подальше, и эти места казались ему именно такими, каких ему хотелось бы: там было больше деревьев, и они стояли гораздо теснее чем здесь. Он спокойно толкнул паутинное препятствие, но, к его изумлению, оно не раздвинулось перед ним... Он взглянул на него вопросительно: может ли быть, чтобы такие тоненькие нитки не пускали его вперед? Толкнул их еще раз сильнее, и настолько же сильнее они его оттолкнули...

Горячая кровь ударила лосю в голову, и он с яростью кинулся на паутину всем своим мощным телом; непроходимая, но эластичная, загородь из стальной проволоки подалась, но тотчас же выпрямилась и отдала ему его толчок с такой силой, что он повалился назад через голову.

Упавший с громким мычанием, лось от неожиданности с минуту пролежал кверху ногами, потом вскочил и устался в полном недоумении на непонятого противника. За последнее время он получил, впрочем, столько странных уроков, что было трудно сразу разобраться в них...

V. Новая жизнь

На следующее утро, когда «Великан дяди Адама» с большим удовольствием завтракал молодыми

ивовыми и осиновыми ветками, целая куча которых, неведомо как, появилась вдруг около пружинной загороди, несколько человек стали открывать часть загородки шагах в полтораста от него.

Позабывши рассердиться на это вторжение в его область, «Дядя Адам» с любопытством стал наблюдать за людьми. Через минуту вслед за людьми в пределы его владений вошло маленькое стадо лосей, повидимому, совершенно равнодушных к близости людей... Их появлению «Дядя Адам» не удивился, его нос уже давно чуял запах, указывавший, что где-то вблизи есть лоси, но такая дружба их с людьми его поразила.

В стаде было несколько коров и пара неуклюжих телят-годовиков, и «Дядя Адам» радостно двинулся к ним огромными шагами, чтобы встретить их и принять немедленно под свое покровительство. Но еще через мгновение перед глазами его появились два молодых красивых лося-быка, шедших позади стада медленной и полной достоинства поступью. Лось-великан остановился, выставил вперед могучий лоб, заложил назад уши и проревел грозный вызов. Жесткая черная шерсть на его плечах медленно поднялась и встала торчком.

Оба молодые быка изумленно смотрели на эти страшные приготовления. Было вовсе не боевое время года, поэтому они не чувствовали к чужаку ничего, кроме холодного равнодушия. Но он шел прямо на них, и в движениях и во всем виде его выражалась такая угроза, что они не могли не

понять,—без боя он не отстанет!.. Биться же теперь, после половины зимы, когда у них нет рогов, было противно всем лосиным обычаям. Впрочем, делать было нечего: приходилось драться.

Глаза молодых лосей тоже начали гневно сверкать, и они, грозно встряхивая головами, выступили вперед, навстречу наглому чужаку. Удивленные сторожа стали поближе к воротам, полуприкрывши их, и один из них, торопливо проскочив наружу, побежал к строению, стоявшему в стороне под деревьями. Когда «Дядя Адам», огромный и невиданно черный, приблизился к стаду, коровы отошли в сторону и стояли там, спокойно поглядывая. Их хорошо кормили, и теперь они были равнодушны ко всему другому в ограниченных пределах их мира. Но бой—всегда бой, и если он состоится, они вполне готовы быть зрительницами.

Между тем великан кинулся на врагов. Одного за другим он сбил их с ног, и они покатались по земле, беспомощные, как новорожденные телята.

Такая полная и мгновенная победа, доказавшая его неоспоримое превосходство, должна бы была удовлетворить «Дядю Адама», но он рассвирепел. Пока побежденные быки пытались подняться на ноги, он бросился на ближайшего из них и стал безжалостно топтать его. Другой между тем встал и, спасая свою жизнь, ударился в бегство, охваченный страхом. Тогда победитель, оставив первую жертву, кинулся преследовать второго быка.

Страшен был вид этого черного гиганта, когда он, с стоявшей дыбом гривой, с вытянутой вперед шеей, с широко раскрытой пастью, с глазами, сверкавшими неукротимой яростью, несся вслед за беглецом огромными прыжками.

Еще мгновение, и он настиг бы свою жертву, но вдруг случилось что-то странное... На голову преследователя накинута летящая петля, затянута, свернула на сторону его шею и ударила его оземь так, что он чуть не лишился жизни. Пока его сильные легкие с хрипением пытались расширяться, чтобы вобрать в себя побольше живительного воздуха, налетели другие петли, обвившиеся вокруг его ног; и раньше, чем он пришел в себя настолько, чтобы оказать какое-нибудь сопротивление, он оказался уже надежно скрученным, не хуже того, как недавно спеленал его дядя Адам в снегах Согамока.

В таком виде его и оставили лежать, пока обе его избитые жертвы не были выгнаны прочь из загона. Им отвели другое, более скромное помещение. А черный великан был оставлен в самом лучшем и обширном загоне.

Люди, повалившие великана на землю, вернулись. Они бесцеремонно оттащили его к воротам, распутали связывавшие его веревки и скрылись раньше, чем он успел подняться на ноги.

Бык встал, глухо мыча, повернулся к людям и взглянул на них с такой ненавистью, что они подумали, не кинется ли он еще раз на загородь.

Но он помнил полученный уже урок. Несколько минут он стоял, пошатываясь на месте. Потом, как бы подчиняясь власти слишком сильной, чтобы даже ему меряться с нею, встряхнулся всем телом и медленно пошел к своему новому стаду.

К вечеру стало морозить. Нависли тяжелые тучи, в воздухе чувствовалось приближение снежной бури. Сильный порывистый ветер подул с севера. Не видя вокруг подходящего убежища, «Дядя Адам» повел свое маленькое стадо на вершину обнаженного холма, откуда он мог бы оглядеться и выбрать спокойный приют.

Он упорно смотрел в эту враждебную, сгущающуюся бездну неведомого мрака...

Коровы, чувствуя его силу, инстинктивно жались к его массивным бокам, потом, когда разразилась уже настоящая снежная буря, они вспомнили об убежище, которое приготовил им человек и об обильной еде, ждавшей их там. Одна за другой они стали медленно сходить с холма, направляясь сквозь мрак к тому углу, где, они знали, ворота отперты для них и где дальше открыта дверь в пахнущий теплом сарай.

Великан в недоумении тронулся было, чтобы идти за стадом, но вдруг остановился.

И, вернувшись опять на вершину обнаженного холма, он остался стоять там, высоко подняв голову и глубоко вдыхая ноздрями холодный воздух.

ЗА БЕЛЫМ ЛОСЕМ

Рассказ Мартимера Баттен

Белого лося из Нессинг-Форда первым увидел дряхлый старик Кромбит, бывший лоцман. Случилось это летом. Старик возвращался к себе в лачугу с рыбной ловли на Шиммергринском озере. Шел он охотничьей тропинкой по лесу и вдруг перед вечером, уже в сумерках, услышал совсем близко пронзительный свист. Вслед за тем перед ним в десяти шагах появилось какое-то белое животное, величиной с лошадь, которое дико и пронзительно закричало и чуть не сбило его с ног.

Старик завопил благим матом, бросил свою рыбу и пустился наутек. Бежал он, не останавливаясь до тех пор, пока не добежал до охотничьего лагеря в долине. Охотники угостили его кофе, а на другой день двое из них пошли с ним к тому месту, где произошла испугавшая его встреча, и нашли следы какого-то огромного зверя.

— Пробежал тут какой-нибудь крупный олень, вот и все,—решили охотники, но Кромбит еще

с неделю прожил в их лагере, пока не успокоились его нервы.

Следующим, кто увидел белого зверя, был индеец Огаллон. Он прибежал в поселок без шапки и об одном мокасине и объяснил встречным, что ему в лесу встретился сам сатана в образе красноглазого белого оленя, с громким мычаньем загородившего ему дорогу.

— Велик ли был олень?—спрашивали его.

— Да больше лошади,—отвечал индеец.

— Может быть, это был обыкновенный американский олень?

Индеец отрицательно покачал головой.

— Нет, не похоже.

— А!—сказал охотник Перри и на следующий день отправился в хижину местного лесного смотрителя.

— По всем признакам, это, должно быть, белый лось из местности около Шиммергринского озера или Нессинг-Форда,—заявил Перри.—Теперь он достанется только охотнику, который не поскупится нанять хороших проводников. Я полагаю, что такого великолепного, такого редкого лося лучше было бы добыть живым, чем мертвым. Дождавшись зимы, мы могли бы устроить за ним охоту с собаками по снегу. Как вы думаете, ведь это будет лучше, чем предоставить лося первому встречному любителю-охотнику, только потому, что его карманы наполнены золотом и бумажками?

— Конечно, лучше,—согласился смотритель.— Живой белый лось даст нам не менее, чем полторы тысячи долларов.

Однако Перри ушел лишь после того, как лесничий сбегал к местному трактирщику Ньюмену, и перекинулся с ним несколькими словечками.

— Могу вам сказать,—объявил лесничий,—что если мы при первых же заморозках устроим облаву с полудюжиной хороших собак, то лось будет наш. Мы его изловим и, разумеется, поделим вместе барыши, а кое-что получит и наш свидетель Ньюмен.

Два заговорщика ударили по рукам, обязались держать все в секрете и расстались, дружески распрощавшись.

Но трактирщик Ньюмен очень любил деньги. Следующим посетителем, который забрел к нему, в трактир, был шиммергринский проводник Доллимен. Ньюмен перегнулся через стойку и приставил губы к уху проводника.

— Сколько вы мне дадите, если я вам укажу, где можно будет изловить настоящего белого самца-вапити!—спросил он с самым искушающим видом.

— Двадцать долларов,—торопливо ответил проводник.

— Двадцать пять! И сейчас же кладите их на стойку!

— Нет. На стойку сейчас я вам положу десять долларов, а двадцать додам после того, как увижу лося.

Сделка состоялась. Проводник убедился в существовании лося и сейчас же послал письмо одному знакомому охотнику-миллионеру в Чикаго. Миллионер в ответ обещал полтораста долларов за сохранение секрета, с условием, что сумма эта будет выплачена после того, как он убьет лося.

Спустя неделю на берегу Шиммергринского озера встретились лесничий и проводник. У каждого из них был берестяной рожок, какие употребляются для приманивания лосей. Тот и другой недоверчиво поглядели друг на друга.

— Что вы здесь делаете с этим рожком в такое время года?—спросил лесничий.

— Полагаю, то же самое, что и вы,—приветливо ответил проводник.—Скажите, вы его не видели?

В конце концов слухи о белом лосе облетели всю округу, и многие из обывателей решили попытать счастья в этом деле.

Про существование лося знал и на этом строил заманчивые планы даже калека Карри Bliss.

Карри еще в раннем детстве лишился, попав под лошадь, ноги и теперь едва-едва добывал себе пропитание. В наследство от отца ему осталось шестьсот долларов, на которые он купил себе плохенькую лошадку и кабриолет, и возил на них редких приезжающих со станции на станцию. Карри только это и мог делать, а между тем его лошаденка успела уже состариться, и кабриолет принял такой вид, что вот-вот рассыплется.

Раз вечером Карри проезжал лесом один, без седока, и заметил на дороге следы красного зверя.

Следы были совсем свежие, в них еще стояла просочившаяся мутная вода, а когда медленно тащившаяся старая лошаденка поворачивала там, где загибалась дорога. Карри увидел сцену, от которой у него мурашки побежали по спине.

Перед ним, нагнув голову с ветвистыми рогами и широко расставив передние ноги, стоял громаднейший американский белый лось, вапити... Бедный калека даже и не представлял себе никогда, что на свете может существовать такой великолепный зверь. Лось стоял и смотрел на него с диким любопытством, а Карри невольно восхищался им. Но вот лось просвистал и кинулся в чащу, оставляя за собой широкие следы.

Карри решил не упускать исключительного случая.

— Этот лось будет стоить гораздо дороже живой, чем убитый,—сказал он сам себе.—Я никому не скажу про него. И посмотрим, что будет дальше.

Он тотчас же написал письмо директору одного зоологического сада в Соединенных Штатах, спрашивая его, сколько бы директор согласился заплатить за белого лося-самца, размером почти полтора метра в плечах и с громаднейшими рогами.

Ответ пришел довольно неопределенный, но все же директор писал, что если лось будет доставлен

действительно такой, каким его изображает Карри, и притом в совершенно исправном виде, то продавец получит вполне достаточное вознаграждение за свой труд.

Карри этим вполне удовлетворился. Но как же калеке изловить гигантского лося-самца? Он обратился за содействием к знакомому индейцу-трапперу, искусному и опытному по части ловли всяких зверей.

— Дождитесь снега,—сказал индеец.—Я на своем веку много наловил живых оленей и антилоп. Почему мне не изловить живого лося?

Под конец, однако, Карри узнал, что его тайна известна и другим. Как бы они смеялись, если бы им кто-нибудь сказал, что неудачник-калека собирается тоже поймать лося живым! Карри был теперь почти убежден, что белый лось достанется или Доллимену, или кому-нибудь другому, но никак не ему самому.

Накануне дня открытия охотничьего сезона с дневным поездом приехал чрезвычайно важный американец в костюме перечного цвета и в необыкновенно широких брюках. С ним была целая груда багажа. Он взглянул на поданный ему старый, разбитый кабриолет Карри и громко захохотал.

— Я спрашивал экипаж, а не эту уморительную коробку,—сказал он, начальнику станции.—Если вы воображаете, что я соглашусь рисковать своей шеей и сяду в эту разбитую...

— В таком случае вам придется идти пешком,— отвечал начальник станции,— потому что другого извозчика у нас тут нет.

— Чорт бы вас взял!—разозлился американец.— Как пешком? Неужели вы думаете, что я могу идти пешком, да еще с таким багажом до самого дома проводника Доллимена? Слушай, парень! Неужели ты берешься довезти меня в целости до Шиммергринска в этой своей кофейной мельнице?

— Конечно, берусь,—ответил Карри.—Только, конечно, если вы не очень уж тяжелы.

Американец—это был не кто иной, как тот богач-охотник, которому писал о лосе Доллимен—расположился в кабриолете со всем своим багажом, и кляча тронулась. Ехать приходилось лесистыми холмами; кабриолет ужасно трясло; лошаденка еле-еле шла, и американец только к полуночи доехал до места, а между тем расстояние равнялось лишь шестнадцати милям. Пассажир дал Карри только четыре доллара, заявив, что такая езда больше этой суммы не стоит.

— Хорошо же!—пробормотал про себя Карри.— Когда тебе понадобится ехать назад, я с тебя сдеру, сколько захочу, а не то—ступай пешком.

С каждым днем делалось все холоднее и холоднее. Начались ночные заморозки. Наступил настоящий сезон для охоты на красную дичь, которой много собралось теперь на берегу Шиммергинского озера. Но лосей не было. Здесь они не

водились. Говорили, что и большой белый лось забрел сюда случайно.

Каждую ночь он бегал по лесу и громко мычал, зовя к себе самку, но на его зов не являлась ни одна. Это приводило его в раздражение. От одиночества он становился все злее и злее. Только один раз на его зов прибежал молодой самец и сразился с ним, но после короткого боя был распорот рогами, забит копытами и сброшен в озеро. На другой день Доллимен и американец-охотник нашли в воде труп побежденного самца.

Американец поглядел на голову молодого мертвого лося, и сказал Доллимену:

— Я думаю, что я могу взять с собой в качестве трофея эти прекрасные рога,—сказал он.— Только вы, Доллимен, никому не рассказывайте, как они нам достались.

Всю ночь американец и проводник, с винтовками и призывными рожками, просидели в засаде около того места, где они нашли мертвого лося.

В полночь явился белый лось и нарушил безмолвие берегов озера хриплым, сердитым мычанием. На этот раз пришел ответ,—тихо, нежно, зазывающе промычала лосиха. Самец неуклюже бросился вперед, с треском ломая ветки деревьев. Он подходил все ближе и ближе, и американец увидел наконец в пятидесяти ярдах его белую фигуру, освещенную луной.

— Погодите! Погодите!—прошептал Доллимен.

Но американец находился в таком возбуждении, что не мог больше ждать. Он прицелился и выстрелил. Белый лос почувствовал острую боль в спине, сделал сначала полукруг, потом, не понимая, что с ним случилось, бросился в озеро и поплыл.

— Какой вы дурак!—вскричал проводник.—Ведь я же сказал вам—погодить! Тогда он был бы наш наверняка.

— Как вы смеете так говорить?—вспылил американец.—Я вот вас проучу, чтобы вы были вежливым.

Но Доллимен окончательно перестал владеть собой.

— Я вас сам проучу, если на то пошло!—бесновался он.—Я вам указал лося, а вы ничего не сумели сделать. Это уж не моя вина, а ваша. Я свое обещание исполнил, и вы должны будете заплатить мне деньги по уговору.

-- Деньги платить?—закричал американец.— Нет, уж вы это оставьте. А проучить я вас, пожалуй, могу. Не хотите ли?

Он сбросил с себя верхнее платье и приготовился к боксу, но проводник не пошевелился и смотрел на него холодно и спокойно.

— Вот что я вам скажу, любезнейший,—сказал он.—Драться я с вами и не думаю, а я лучше скажу вам, что я намерен сделать, если вы не заплатите мне полтораста долларов, как обещали. Я сообщу в редакцию газеты «Нессингские Ведомости» все, что вы тут делали, и будьте уверены,

что там из моего сообщения сделают интересную статейку.

Румяное лицо американца сделалось багровым.

— Вы меня шантажируете!—вскричал он.—Смотрите, не ошибитесь в расчете!

— Не ошибусь. Мое дело правсе.

Кончилось тем, что американец, ворча и бранясь, написал Доллимену чек на полтораста долларов.

— Завтра утром я отсюда уезжаю,—сказал он,—и больше никогда уже к вам не приеду.

— Да мне не очень-то и нужно, чтобы вы приезжали,—отвечал проводник.—Но только позвольте спросить, каким способом рассчитываете вы доставить на станцию свой багаж?

— Я думаю тем же самым, каким он был доставлен к вам со станции.

— Извозчик говорит, что он с вас меньше пятидесяти долларов не возьмет.

— Так сходите к нему завтра чем свет и скажите, что я даю ему эту сумму.

Имя миллионера-охотника вошло с тех пор в Нессинг-Форде в поговорку, потому что от Доллимена узнали про его похождения. А лесничий стал после того усиленно наблюдать за проводником, репутация которого тоже несколько пострадала от этой истории.

На станцию американец поехал в кабриолете Карри Блисс, за которым сходил для него

Доллимен. Извозчик спросил американца, когда тот усаживался:

— А ваша винтовка с вами? Ведь нам может встретиться белый лось.

Миллионер уставился глазами на провожавшего его Доллимена.

— Как же вы мне сказали, что про лося никто не знает?—злбно проговорил он.—Доллимен, вы меня бессовестно обманули.

— Ведь вы уже застрелили одного зверя,—отвечал проводник, указывая на рога того лося, которого они нашли мертвым на берегу озера,—чего же вам еще нужно, любезнейший?

Американцу оставалось только прикусить язык.

Нужно было поспеть к двенадцатичасовому ночному поезду, а было уже темно, когда они въехали в густой лес. Американец зажег фонарь, который, впрочем, скоро стал не нужен, потому что взошла луна.

Старая лошадка едва плелась по лесной дороге; колеса стучали по колеям, и этот звук как-то странно повторяло лесное эхо.

Тем временем вапити, мучительно страдая от полученной раны в спину, искал и не находил, чем бы успокоить боль. Он бродил по берегу озера и бодал рогами стволы деревьев.

Когда наступила ночь, лось окончательно обезумел от боли и готов был наброситься на все, что только ему попадетс на глаза. Тут вдруг послышался вдали стук колес кабриолета. Лось замер

неподвижно, как статуя, и насторожился, погом вдруг во весь опор побежал на необычайный для него шум.

Что увидел лось?—Двигающийся по дороге свет фонаря, раздражавший его до крайности.

А что увидели Карри и американец?—Громадную белую массу, мчавшуюся прямо на них, с диким, хриплым ревом.

— Вот он! Вот он!—закричал Карри, а его старая лошаденка в первый раз за целых пять лет нашла в себе достаточно энергии для того, чтобы пуститься в галоп.

Американец выхватил из рук извозчика кнуг и, когда лось поравнялся с кабриолетом, изо всей силы хлестнул его по морде. Лось подпрыгнул, закричал, замотал головой и бросился на кабриолет. Его могучие рога ударили в хрупкий экипаж, из которого едва не вывалились оба седока.

— Если он нас опрокинет, мы погибли!—крикнул американец.—Он нас забьет до-смерти!

Он принялся изо всех сил стегать кнутом лошадь, которая и без того уже бежала во всю прыть.

Лось был страшен. Его налитые кровью глаза сверкали при свете фонаря. Он снова готовился ударить в кабриолет сбоку своими ужасными рогами и бежал рядом. Американец начал хлестать его кнутом, и ярость зверя от этого только увеличилась. Один из его рогов ударял по колесу и ломал его спицы, как спички. Это могло кончиться

очень плачевно для седоков: колесо свалится, экипаж опрокинется набок, и они очутятся во власти разъяренного животного.

Американец стал доставать свое ружье. Ящик он отыскал, но долго не мог найти ключи от него. Тут он кстати вспомнил, что патроны уложены в ящике, привязанном к задку. Последняя надежда, стало быть, исчезала...

Напуганная до полусмерти лошадь неслась галопом. Лось бежал рядом с кабриолетом.

Вдруг американец вскрикнул от ужаса. Он заметил, что поврежденное рогами лося колесо отказывается служить. Загнанная лошадь перестала бежать галопом и затрусила усталой рысцей.

— Вам-то ничего еще, — сказал калека-извозчик, — вы можете бежать. А вот я что буду делать с одной ногой? Он меня растерзает, а вы успеете тем временем скрыться.

Эти слова зародили в трусливом американце гнусную мысль. Лось бежал около экипажа как раз с той стороны, с которой сидел Карри, и уже готовился к решительному нападению.

Американец вдруг встал, его рука выпрямилась, точно гремучая змея, он схватил калеку за плечо и сбросил с сиденья. Но лось не остановился, а попрежнему мчался за экипажем и фонарем. У американца сердце упало, когда он увидел, что его коварство не удалось. Он рассчитывал взобраться на какое-нибудь дерево, пока лось будет терзать калеку, а лось снова погнался за экипажем.

Еще раз зверь бросился на кабриолет и ударил его своими ветвистыми рогами. Тут случилось нечто совсем непредвиденное: лось задел одним из разветвлений рога фонарь и вышиб его из-под ставки. Фонарь, не потухая, прицепился к рогу и был теперь совсем близко от правого глаза лоса.

Лось остановился, как вкопанный. Он испугался. Фонарь остановился тоже, светясь прямо у него перед глазами. Лось попятился назад, сперва тихо, потом быстрее. Фонарь за ним... Лось принялся вертеться кругом, фонарь не отставал. Лось поднялся на дыбы, фонарь поднялся тоже вверх и продолжал светиться.

Тут лось совершенно обезумел от ужаса. Слепляемый фонарем, не будучи в состоянии объяснить себе случившееся, он бросился в чашу и побежал по направлению к озеру.

В той стороне, в десяти шагах от дороги, был обрыв метра в три-четыре высоты. С этого обрыва и свалился лось со всего разбега, с треском падая на росшие внизу кусты. Только фонарь мелькнул, все еще прицепленный к одному рогу.

Карри тем временем встал на ноги. Он видел все происшедшее. В двадцати ярдах впереди лежал на боку кабриолет со сломанным колесом. Американец и его багаж выпали на дорогу.

Карри доспешил к месту происшествия так быстро, насколько позволяла ему его хромота.

Белый лось поднялся на дыбы, совершенно обезумевший от ужаса: фонарь, повисший у него на рогах, продолжал светить...

Он заглянул в обрыв и при свете луны увидал лежавшую внизу огромную белую фигуру лося. Осторожно спустился он вниз к мертвому, как он думал, зверю. Но лось был жив, он дышал. Его бока поднимались и опускались.

Карри сразу придумал, что делать. Лось упал около поваленного громадного дерева, и один рог его лежал на его стволе. Карри проворно снял с себя кожаный пояс и крепко привязал лося за рог к этому стволу. Потом он побежал к кабриолету, отвязал веревку, которой был увязан багаж американца, и вернулся к лосю, оставив у кабриолета изумленного американца.

В одну минуту ноги лося были крепко скручены веревкой и привязаны к другому бревну. Несчастный зверь оказался теперь в совершенно беспомощном положении.

Карри сам едва верил своим глазам. Он, жалкий калека, собственноручно поймал живьем белого лося!

Подняв кверху глаза, Карри увидел над собой американца, подошедшего к обрыву. Калека сейчас же припомнил все случившееся и сказал с насмешкой:

— Я понял теперь, что вы за человек. Сталкивая меня с кабриолета, вы рассчитывали спасти свою собственную шкуру—ведь так?

Сначала американец не сказал ничего, но потом начал оправдываться.

— Я поддался бессознательному порыву, внушению минуты,—говорил он.—Любезный мой, я вас за все вознагражу самым щедрым образом.

— Благодарю,—гордо отвечал калека.—Но только я не дам себя подкупить, как сделал Доллимен и разные другие. Я не дам обещания молчать обо всем, так вы и знайте.

— Но, мой друг, подумайте...

— Я не дам никаких обещаний,—упрямо повторял калека.

Через два дня охотник-миллионер уехал, и больше его никогда не видели в этой местности.

Карри продал живого белого лося за сумму, превзошедшую самые смелые мечты.

Когда, много лет спустя, Доллимен поделился с Карри и несколькими старыми друзьями своим секретом, который он до сих пор строго хранил, то он при этом заметил:

— В конце концов афера с белым лосем вышла у нас у всех недурная. Я заработал на нем полтора доллара, а Карри—триста, но я думаю, что американец считает теперь охоту на красного зверя очень дорогим удовольствием.

А бывший в числе собеседников владелец трактира и гостиницы Ньюмен заметил тоже:

— И я заработал на белом лосе тридцать долларов, но только каким образом, этого я вам не скажу.

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ГОСТЬ

Рассказ Чарльса Робертса

I. Ручной лось

Когда прекратилась метель и стих ветер, ферма Карсона оказалась занесенной снегом до самых верхних жердей забора. Старый одноэтажный дом с длинным сараем и низким гумном, пристроенным к дому, был засыпан почти до верхушек окон. Крыши, с которых ветер сдул весь снег, резко чернели среди окружающей белизны.

Несмотря на то, что двухдневная вьюга кончилась и снова проглянуло солнышко, небо все еще было серым, как будто снова собирались снежные тучи, и солнце казалось каким-то тусклым. С одной стороны строений снег был нанесен огромным сугробом, из которого поднимались черные стволы сосен, совершенно чистых от снегов; с другой стороны—деревья, защищенные от ветра стеной леса, были покрыты белым саваном, и их отяжелевшие ветки пригнулись к самой земле.

Несмотря на то, что вокруг дома все было пусто и мертво, внутри его шла своя жизнь. В большой комнате, служившей одновременно столовой,

спальной и кухни, царили сумерки благодаря толстым сугробам, завалившим оконные стекла. Но эти же сугробы защищали комнату от наружного холода и придавали ей уютный вид.

Сухие березовые и кленовые дрова ярко пылали в большой кухонной печи, бросая красный отблеск на всю комнату, отражаясь на полированной железной посуде, висевшей на противоположной стене, и причудливо играя на белых тарелках и старых синих китайских блюдах, расставленных на полках большого буфета.

На одном конце длинного стола стояли два прибора; приближался полдень—время обеда на этой уединенной ферме.

У второго конца стола стояла мистрис Карсон, высокая, худоцавая женщина с темными волосами; гладко зачесанными назад и открывавшими добродушное, хотя и нервное, раскрасневшееся лицо. Она месила в корытце тесто для хлеба, который всегда пекла раз в неделю.

Ее дочь Аманда, стоя в дверях комнаты, топала ногами и счищала снег со своей синей шерстяной юбки гусиным крылом, которое она употребляла вместо щетки. Ее сияющее, цветущее личико покраснело от усердия, а своевольные пряди светлорусых волос упрямо выбивались из-под синей вязаной шапочки и спускались на блестящие голубые глаза.

Хотя Аманда совсем запыхалась от усталости, она весело смеялась, как будто все это было очень

забавно. Она только что прокопала лопатой в больших сугробах снега дорожки от дома до хлева, от хлева к колодцу и от колодца к дому. Это была тяжелая работа, но ей, пробывшей несколько месяцев вдали от дома, в школе, и радовавшейся возвращению домой, она казалась очень веселой. Большая деревянная лопата с приставшими к ней комьями снега валялась около нее на полу, куда бросила ее Аманда, войдя в кухню.

— Ну, вот!—весело воскликнула она.—Дорожки вышли отличные. Я надеюсь, что они сохранятся по крайней мере до следующей вьюги!

Мать улыбнулась, не поднимая головы, так как была занята укладыванием теста в формы.

— А теперь я хочу обедать, мама. Я просто умираю с голоду!

— Обед уже с полчаса, как готов,—ответила мать, сажая хлебы в печь.—Подавай его на стол, а я через минуту подсяду к тебе.

Аманда, сняв с головы шапку, повесила ее на стул, стоявший на другом конце кухни, и попыталась пригладить волосы ладонями рук; затем она схватила вилку и с любопытством приподняла крышку с дымящегося котелка.

В эту минуту раздался стук в дверь. Стук был такой странный, что Аманда, вздрогнув, уронила крышку котелка, а мистрис Карсон, только что собиравшаяся захлопнуть дверцу печки, остановилась, пробормотав: «Что это значит?» Удар в дверь казался очень тяжелым и сопровождался слабым

звучом шарканья ног. Аманда сделала несколько шагов по направлению к двери, но затем остановилась.

За дверью продолжался шорох и шарканье, прерываемые несколькими легкими и словно неумышленными ударами в дверь. Затем тяжелая деревянная щеколда наполовину приподнялась, как будто кто-то, стоявший снаружи, не знал, как открыть ее. Аманда почувствовала, что ее пушистые волосы на затылке зашевелились от страха.

— Манни, не смей открывать дверь,—прошептала мать, быстро подбегая к девушке и схватывая ее за руку.

— Пустяки, мама,—ответила она, понизив голос,—это просто какой-нибудь полузамерзший прохожий, потому-то он и не может постучать, как следует. Он ничего нам не сделает.

Однако, несмотря на эти успокоительные слова, Аманда сбегала в спальню и вернулась оттуда с ружьем в руках. Подходя к двери, она посмотрела, вложен ли патрон, и затем захлопнула ружье с шумом, который мог служить предостережением неизвестному гостю.

Не обращая внимания на приказание матери, Аманда протянула левую руку к щеколде и приподняла ружье вровень с плечом. Но прежде чем ее пальцы схватили щеколду, щеколда сама тихонько приподнялась, и тяжелая дверь распахнулась настежь. Первым побуждением Аманды было броситься вперед и попытаться захлопнуть дверь.

Но прежде чем она успела это сделать, она увидела гостя и остановилась пораженная: перед ней стоял громадный лось, заняв все отверстие двери и нерешительно просунув вперед свою огромную черную морду; его рога доставали от одного дверного косяка до другого.

— Стреляй в него! Стреляй!—закричала мистрис Карсон.—Он хочет войти к нам. Говорю тебе, стреляй в него!

Но Аманда, опустив ружье, разразилась нервным смехом. Ее возбуждение разрешилось так неожиданно. Аманда сама не представляла себе, до какой степени она была напугана. Но она любила животных. Протянув руку, она погладила морду лоса.

— Стрелять в него, мама? Зачем? Посмотри, как он дрожит. Наверно, кто-нибудь гнался за ним, вот он и пришел просить у нас защиты. Что могло напугать его, такого большого и сильного?

Придя в себя, мистрис Карсон очень рассердилась за свой испуг.

— Если у тебя нет настолько смысла, Манни, чтобы в него выстрелить, то, по крайней мере, прогони его и закрой поскорее дверь. Я не желаю, чтобы он влез сюда и потоптал все. Слышишь? Сию же минуту закрой дверь. Ты столько холода напустила в кухню.

Аманда весело засмеялась.

— Да он и не сможет войти сюда, мамочка. Посмотри—его рога шире двери. Мне кажется, что

это лось ручной, потому-то он и чувствует себя возле дома в безопасности. Ладно, ладно, ты попал, куда следует, старина! Хотела бы я только знать, кто так напугал тебя?

Широкие бока животного тяжело поднимались, и оно все еще дрожало, но Аманда видела, что лось чувствует себя у них, как дома. Вытянув вперед свою длинную верхнюю губу, он пытался схватит Аманду за юбку. Тайна приподнимания щеколды объяснилась: очевидно, лось дергал за веревку своей длинной губой.

Аманда замолчала на минуту, с восхищением рассматривая гостя. Ее мать, все еще возбужденная, собиралась опять что-то сказать, но Аманда ее предупредила.

— Смотри-ка, мама!—воскликнула она.—Ведь я говорила тебе, что это ручной лось. Он ходит в упряжи: видишь у него стерто плечо. Ах, какой он красивый! Хотелось бы мне знать, будет ли бедняжка есть кукурузную муку.

Схватив со стола тарелку, она подбежала к боченку с мукой и насыпала на нее две больших горсти золотистой муки. Мистрис Карсон, наполовину смягчившись при мысли, что лось действительно ручной, смотрела с сомнением на Аманду, которая совала тарелку с мукой в морду лосю. Лось понюхал муку, но, услышав незнакомый запах, нерешительно выпустил из ноздрей воздух. Мука взлетела с тарелки на пол и на платье Аманды. Тогда лось почуял, что это что-то вкусное, и,

опустившись на колени, стал с жадностью лизать муку. Чтобы лучше достать ее, он повернул боком свою голову и просунул в дверь один из своих ветвистых рогов.

Вид рассыпанной по полу муки окончательно вывел из себя мистрис Карсон. Бросившись вперед с криком: «Убирайся отсюда прочь, гадкое животное», мистрис Карсон схватила деревянную скалку и, прежде чем Аманда могла остановить ее, с силой замахнулась ею над носом животного.

Мистрис Карсон не отличалась особенной меткостью, да кроме того Аманда как раз в тот момент схватила ее за руку. Удар пришелся лосю не по носу, но по ветвистому рогу, просунувшемуся в дверь. Результат его оказался настолько неожиданным для нее самой, что она с криком испуга отскочила назад, бросив на пол скалку, а Аманда жалобно воскликнула:

— Мама! Мама! Как ты могла это сделать?

Лось, застигнутый врасплох нападением мистрис Карсон, вскочил на ноги и с такой силой отдернул назад голову, что один из его ветвистых рогов обломился. Сломанный рог упал к ногам изумленной женщины, словно свидетельствуя о ее жестокости. Она всплеснула руками и закричала, чуть не плача:

— О, Аманда, я вовсе не желала этого! Откуда же я могла знать, что он так легко отвалится? Между тем лось, казалось, вовсе не был так огорчен всем происшедшим. Встряхнув головой,

словно отгоняя ужалившую его пчелу, лось протянул попрежнему ласково морду к Аманде. Потери своего рога он как будто даже и не заметил. Тогда Аманда вспомнила, что как раз в это время года лоси меняют свои рога. Ее испуганное лицо прояснилось, и она готова была разразиться хохотом.

— Бедное животное! — пробормотала мистрис Карсон, поднимая сломанный рог и осторожно прислонив его к стене. Она тщательно осмотрела его, как будто собиралась снова приставить рог на прежнее место. — Мне кажется, что этот лось очень добродушен. Не смазать ли ему больное место салом?

— Зачем, мама? — возразила девушка. — Ведь теперь нет мух, да я и не думаю, что ты сделала ему очень больно. Видишь ли, перед весной лось все равно должен бы был сменить рога. Обычно они спадают у них весной, а потом снова вырастают.

— О! — воскликнула мать с облегчением. — Я совсем забыла об этом. Но я думаю, что ему все-таки было больно. Отведи-ка лучше своего лося в конюшню и не заставляй целый день дожидаться тебя с обедом.

Аманда задумалась.

— Я не знаю, что мы будем с ним делать, — сказала она.

— Ну, — ответила мистрис Карсон, — если он ходит в упряжи, ты можешь ездить на нем. Только

Аманда обвязала воровкой морду и шею лося и повела его за собой...

торопись, пожалуйста, а то мы совсем замерзнем.—И она решительно повернулась к печке, чтобы достать обед.

— Дай мне эту веревку от белья, мама—попросила ее Аманда.

Мистрис Карсон отвязала веревку, затем принесла и нетерпеливо надела шапку на голову дочери. Аманда с ловкостью человека, выросшего на ферме, обвязала веревкой морду и шею лося, сделав из веревки узду. Затем она с силой толкнула обеими руками большую голову лося, чтобы заставить его выйти из двери. Лось осторожно попытлся назад; когда же она, держа его за повод, пошла по узенькой глубокой тропинке, прокопанной к хлеву, он последовал за ней вплотную, так что его тяжелая морда терлась об ее плечо.

Они подошли почти к самому хлеву, когда лось вдруг вздрогнул, поднял голову и сердито зафыркал. Аманда, проследив за его взглядом, устремленным на пушистое снежное пространство, заметила три серые тени, тотчас же исчезнувшие в лесу.

— Волки!—сказала она своему спутнику.—Так вот кто гнался за тобой. Ладно, теперь тебе нечего уж бояться их.

Несколько секунд лось смотрел вслед исчезнувшим врагам, затем послушно вошел за девушкой в хлев.

При виде рослого незнакомца, старый Джерри—гнедая лошадь, на которой Аманда ездила еще

ребенком,—вопросительно заржал, а две пестрые коровы зафыркали и попятились назад. Лось же не обратил на них никакого внимания. Очевидно, он чувствовал себя в хлеву, как дома, и привык быть вместе с рогатым скотом и лошадьми.

Аманда привязала его около кучки сена, так что он мог сам достать себе корм, и бросилась бегом домой, чтобы поскорей отогреться. Мать сидела уже за столом, дожидаясь ее.

— Правда, мама, этот лось будет отличным праздничным подарком для отца?— воскликнула Аманда весело, приглаживая свои непокорные волосы и наскоро вытирая полотенцем худенькие руки, прежде чем сесть за стол.

— Хотелось бы мне знать, на что он отцу?— недоверчиво заметила мистрис Карсон.— Своими длинными ногами он будет перешагивать через все заборы и будет поедать все, что только ему попадется.

— Ладно, мама, ты знаешь, что я всех животных люблю,—примирительно сказала Аманда, избегая спора.

II. Решение Аманды

До праздников оставалось только два дня, и к ним должен был вернуться домой Джон Карсон, здоровый, обветренный и голодный, после своей долгой поездки к берегам Черной Реки, где шла рубка леса. Мистрис Карсон и Аманда были заняты

весь день, делая пироги с тыквой, мясом и яблоками и жаря в растопленном масле душистые подрумяненные орешки из теста.

Обе женщины мало думали о снежной вьюге, которая нанесла целые сугробы снега на узкую дорогу за лесом. Они знали, что только настоящая буря могла помешать Джону Карсону вернуться к праздникам домой. Что значило для него пробежать на лыжах сорок миль по пустынной тропинке, хотя бы ртуть на градуснике показывала двадцать градусов ниже нуля? Он всегда так уверенно бежал через снежные поля, ударял лыжами в дверь и нетерпеливо вытирал с усов и бороды иней, прежде чем прижать к груди жену и дочь! Погода их мало беспокоила.

Занятой различными хлопотами по хозяйству Аманде некогда было навещать своего нового друга. Когда перед закатом она вместе с матерью пошла в хлев доить коров и дать им на ночь сена, она заметила, что лось сбросил и второй рог.

Эта перемена в его наружности вызвала живейшее одобрение мистрис Карсон. Она подошла к лосю и погладила его. Когда же лось, в свою очередь, вытянул вперед свою длинную выразительную морду и пожевал добродушно ее передник, Аманда решила, что его положение в их семье было упрочено. Она знала, что если мать потеряет недоверие к лосю, она полюбит его так же, как она любила старого Джерри и своих пестрых коров.

Следующее утро стоял сильный мороз, и небо было голубое, безоблачное. Аманда хотела попробовать запрячь лося, чтобы убедиться, действительно ли он может ходить в упряжи. Но дома было слишком много дела. Нужно было еще приготовить плум-пудинг, и вместо нового удовольствия—покататься на лосе, Аманде пришлось заняться чисткой изюма.

Вдруг раздался решительный стук в дверь, который повторился, прежде чем мистрис Карсон успела подойти к двери. В комнату вошел молодой человек; он стащил за дверью лыжи, и, войдя в комнату, снял шапку. Мистрис Карсон поспешила подать ему стул. Аманда, у которой были совсем липкие пальцы, откинула назад волосы верхней частью руки и встретила его радушной улыбкой.

Незнакомец был одет в толстую домотканную куртку и штаны, сделанные из воловьей шкуры; когда же он расстегнул куртку, у него оказался на шее чистый полотнятый воротничок и аккуратно повязанный галстук. Лицо пришельца было мужественное, хотя совсем юное, с темными, открытыми глазами. По его произношению, когда он здоровался с хозяевами, Аманда сразу решила, что он не из местных жителей.

— Не хотите ли сесть поближе к огню?—приветливо предложила мистрис Карсон.—Сегодня очень холодный день.

— Нет, благодарю вас, у меня только немного замерзли пальцы,—отвечал посетитель, снимая шерстяные рукавицы и отогревая свои сильные руки.—Вы мистрис Карсон, не так ли?

— Я самая,—ответила мистрис Карсон, а Аманда утвердительно кивнула головой.

— Мое имя Росс—Алек Росс. Я еду из Донаван-Кампа. Случилось так, что дорогой мне пришлось остановиться у Криминсов, и я не жалею об этом, так как я нашел мистрис Криминс совсем больной; у нее, вероятно, воспаление легких или что-нибудь в этом роде; она лежит совсем одна. В доме нет никого, кроме ее маленького трехлетнего мальчика и дедушки, о котором, как вы знаете, нужно заботиться не меньше, чем о ребенке.

— О!—воскликнула с сочувствием Аманда, ставя на стол чашку с изюмом и собираясь мыть руки.

— Вот беда-то!—жалобно воскликнула мистрис Карсон.—Старик очень плохо видит и почти глухой.

— Я сделал все, что мог, и теперь тороплюсь в поселок за доктором, но вы знаете, что это значит? Самое лучшее, на что я могу надеяться, это привезти доктора завтра утром. Страшно подумать, что может случиться за это время. Я подумал... я надеялся... что кто-нибудь из вас может побыть там до моего возвращения. Но теперь я вижу, что это невозможно. Женщина не может отправиться туда, за пятьдесят миль, по снежным сугробам, как только что пришлось сделать мне.

Мистрис Карсон всплеснула руками.

— О,—воскликнула она растроено,—подумать только! Бедная Нанси Криминс так больна, а мы не можем пошевелить пальцами, чтобы ей помочь. Скорее, Манни, дай мистеру Росс стакан горячего чая. Нет, мистер Росс, сидите,—продолжала она решительно, видя, что молодой человек поднялся, чтобы идти.—Вы потратите две минуты на чай, зато побежите потом гораздо скорее.

Так как до поселка оставалось еще добрых двадцать пять миль, то Росс последовал ее совету и снова опустился на стул, потирая усталые мускулы ног. Он заметил, что Аманда и не думала наливать ему чай. Она уже вынула из желтого шкафа, стоявшего около двери, меховое пальто.

— Что ты хочешь делать, Манни?—спросила с беспокойством мать.

— Я поеду посидеть с мистрис Криминс, пока не придет доктор,—спокойно отвечала Аманда.

— Нет, ты не поедешь. Ты не выйдешь из дома, Манни,—твердо объявила встревоженная мать.

— Ты отлично знаешь, мама, что я должна ехать,—отвечала кротко, но так же твердо Аманда.—Неужели ты думаешь, что я могу оставаться здесь, когда бедная мистрис Криминс может каждую минуту умереть? Остаться спокойно дома и чистить изюм?—продолжала она слегка дрожащим голосом.—Пожалуйста, мама, дай поскорее мистеру Россу чаю, а потом помоги мне собраться.

В ее спокойных словах звучала такая решительность, что мистрис Карсон вышла из себя. Она принялась хлопотать о чае, говоря в то же время возбужденно, чуть не плача:

— Отчего ты никогда не слушаешь благоразумного совета, Манни? Ты всегда была упряма. Тебе никогда не дойти до Криминсов; ты сейчас же застрянешь в снегу и замерзнешь, вот увидишь. А что скажет твой отец, когда он вернется и не найдет тебя дома? Мистер Росс,—воскликнула она, обращаясь внезапно к молодому человеку, который наблюдал за Амандой с живейшим интересом,—поговорите хоть вы с ней! Скажите ей, что она не может туда ехать и не должна даже пробовать этого. Может быть, она вас послушается.

Мистер Росс встал со стула.

— Позвольте мне сказать вам, мисс Карсон. Я боюсь, что ваша матушка права. Вам ни за что не проехать на лошади через такие сугробы. Мне очень жаль, но я знаю, что вам придется отказаться от вашего намерения.

Аманда с сердцем тряхнула головой.

— Пустяки!—объявила она.—Неужели вы думаете, что если я захочу, то не могу бежать на лыжах так же хорошо, как вы? Что значит для меня пятьдесят миль?

Росс колебался: он не хотел пугать обеих женщин, живущих так уединенно. Но необходимость заставила его быть откровенным.

— Я не сомневаюсь, что вы это можете сделать, если говорите,—отвечал он.—Но, может быть, вы не слышали, что нынче кругом бегают волки. За последние пятьдесят лет о них совсем не было слышно в этих местах, теперь они опять появились.

Лицо мистрис Карсон прояснилось; она поставила перед гостем на стол чашку с горячим крепким чаем. Но Аманда отвечала совершенно спокойно:

— Да, я знаю, что волки вернулись.

Росс и мистрис Карсон посмотрели на нее с изумлением.

— Но ведь вы сами не слишком боялись их, когда шли сюда,—продолжала она.

Росс с задорным видом снял куртку и показал пару револьверов за поясом.

— Я приготовился к встрече с ними, если бы они вздумали меня преследовать,—сказал он.

— По правде говоря,—заметила Аманда,—здешние волки очень трусливы. Я тоже возьму с собой револьвер. Третьего дня я видела трех волков вблизи фермы, но они убежали, как только увидели меня. Это они так напугали моего лося. Кстати, я попробую запрячь его в сани и посмотрю, как его длинные ноги вывезут меня из снежных сугробов: я отлично знаю, что старому Джерри это будет не под силу. Если же лось не сможет меня вывезти, я отпущу его, а сама побегу дальше на лыжах.

Алек Росс смотрел на нее с таким изумлением, что ему пришлось рассказать историю появления лося. Росс увидел, что было бесполезно отговаривать девушку, и поэтому, постаравшись принять беззаботный вид, он весело условился встретиться с ней на следующее утро у Криминсов. Затем, низко надвинув на уши шапку, он всунул ноги в ремни лыж и вышел крупными шагами привычного лыжебежца.

— Он не из здешних рабочих,—сказала мистрис Карсон, смотря ему вслед,—но мне кажется, что это дельный малый.

Аманда в это время уже торопливо надевала вторую пару толстых шерстяных чулок.

III. Лось в упряжи

Аманда не ошиблась, лось охотно дал себя взнуздать. Очевидно, он еще теленком был взят на какую-нибудь уединенную лесную ферму. Он оказался довольно понятливым. И Аманде почти не пришлось пускать в ход вожжи, так как лось слушался ее слов.

Усевшись удобно в крепких санках и подложив под ноги горячий кирпич, Аманда, тепло одетая, плотно закутанная в старинный плащ из буйволовой шкуры, в двойных перчатках и в белом вязаном шарфе, наслаждалась ездой, несмотря на свое беспокойство за мистрис Криминс. Ее ужасно

забавляло, что она так легко управляет своей новой огромной «лошадью».

Со своими широкими копытами, отчасти исполнявшими для него роль лыж, с сильной грудью и необычно длинными ногами, лось легко шагал по огромным сугробам, в которых лошадь только беспомощно проваливалась бы. Он, не останавливаясь, подвигался вперед, хотя и не очень быстро, и санки с низкими, широкими полозьями легко скользили по снегу.

Только два раза за время всей поездки санки перевернулись, и Аманда вылетела из них, но лось по одному ее слову сейчас же остановился, и Аманда, лишь стряхнув с себя снег, которым она оказалась совсем засыпанной, снова поехала дальше. Нигде не видно было никаких следов волков. Так, без всяких приключений, Аманда достигла к середине дня фермы Криминсов.

Она застала больную в полубреду; ребенок хныкал, сгорбленный старик, что-то бормоча про себя, ощупью подкидывал в огонь хворост, который Алек Росс в изобилии заготовил для него и сложил за печкой. Появление Аманды сразу внесло в дом успокоение. Ребенок перестал хныкать, больная затихла, а старик почувствовал себя наконец в праве вздремнуть в своем большом кресле.

Дела для девушки оказалось столько, что в течение нескольких часов Аманда не имела времени даже подумать о чем-нибудь, кроме заботы по дому. Только поздно ночью, когда ребенок заснул

в своей выдвижной постели, а старик скрылся в крошечной каморке, она смогла присесть, чтобы немного отдохнуть. Лишь теперь Аманда почувствовала, как она устала.

Найдя в углу на полке старый журнал, она начала его перелистывать, но читать не могла, так как ее беспокоило тяжелое дыхание больной.

Часы пробили полночь. Аманде страшно захотелось вернуться домой до приезда отца. Ей неприятно было подумать о его разочарованном лице, когда она не выйдет к нему навстречу, о его беспокойстве за нее.

Аманда почувствовала, что ее веки упорно смыкаются, и вскочила на ноги. Ей нельзя спать. Она подошла к постели и убедилась, что больная стала спокойнее; дыхание ее становилось ровнее и свободнее; вероятно, помогли горячие припарки из льняного семени, которые Аманда прикладывала ей к груди. Аманда мало что понимала в болезнях, но она не могла не почувствовать себя удовлетворенной, увидев, что быстрый пульс больной стал более ровным.

Затем потянулись часы непрерывной борьбы со сном. Эта борьба поглощала все внимание Аманды. Она никогда не думала, что часы могут тянуться так медленно, и не решалась присесть больше чем на одну минуту. Ей не раз казалось, что часы останавливаются, так медленно передвигались стрелки.

Но ночь все-таки проходила, и когда начало светать, послышались звуки колокольчика. Это приехали доктор и Росс, которые привезли из поселка сиделку.

Аманда слышала, как доктор сказал Россу, что ее уход и льняные припарки, вероятно, спасут больную, и что мистрисс Криминс теперь «выпутается» из своей болезни. Она поймала на себе восхищенный взгляд Алека Росса, и счастливая, свернувшись в большом кресле старика, крепко заснула.

Нервное напряжение, которое Аманда испытала ночью, было так велико, что уже давно прошел полдень, прежде чем она наконец проснулась и была в состоянии собраться домой. Алек Росс, у которого мускулы, казалось, отлиты были из стали, собрался вернуться в поселок, и Аманда предложила ему довести его в своих санях. Он охотно согласился, но поставил при этом забавное условие, что она не будет просить его править.

— Я очень плохой кучер,—оправдывался он.

— И не воображайте, пожалуйста, что я дам вам править,—решительно возразила Аманда.— Лось слушается только меня. Я не думаю, чтобы он был доволен, если вместо меня им будет править кто-нибудь другой.

— Он умное животное, и я вполне согласен с ним,—сказал молодой человек, заботливо укутывая ее плащом, прежде чем самому сесть в сани.

Лось медленно подвигался вперед по глубоким рыхлым сугробам. Едва они проехали полпути, как уже спустились ранние зимние сумерки, но было довольно светло, так как все небо было усыпано яркими звездами, а от снега распространялось слабое сияние. С наступлением темноты Аманда примолкла и, казалось, обратила все свое внимание на то, чтобы лучше править. Спустя час, они доехали только до перекрестка, где с главной дорогой соединялась дорожка, ведущая к Черной Реке, тянувшаяся через выжженное место, заваленное стволами деревьев.

— По этой дорожке всегда ходит отец,—сказала Аманда.—Надеюсь, что мы опередим его, и ему не придется тревожиться за меня. Обычно он не возвращается так рано.

— Нет,—сказал Алек Росс,—он еще не проходил здесь. Нигде не видно следов лыж, кроме моих вчерашних. У нас еще много времени. Но нет, я ошибся! Здесь есть чьи-то следы свежей моих вон там, направо от вас...

— Едемте скорее!—воскликнула девушка.—Мы должны постараться догнать отца. Вперед, лось!

— Но ведь это, может быть, следы совсем не вашего отца,—возразил Росс.

— Нет, это он! Кто же другой может пройти здесь?—воскликнула нетерпеливо Аманда.

Она вдруг замолчала, так как со стороны Черной Реки пронесся резкий звук—не то вой, не то лай. Ему отвечал такой же вой, только более низкий.

Лось сделал прыжок, затем сразу с фырканием остановился.

— Это волки, и они совсем близко,—сказал Росс.

Он говорил спокойно, почти весело, но его правая рука скользнула за пазуху и нащупала рукоятку револьвера.

Лицо Аманды омрачилось. Она лихорадочно подгоняла лося, боясь, что отец очутится дома раньше ее. В то же время в вое волков было что-то, возбуждавшее в ней мрачные предчувствия. Протяжный вой, от которого волосы шевелились на голове, снова повторился.

— Мне кажется, что волки заметили кого-то,—сказала она.

И картина, созданная ее собственными словами, предстала перед ней с ужасающей ясностью.

— Да, похоже на то,—согласился Росс.—Скорее всего это старый ворчливый дикобраз взобрался от них на дерево. Попадет же им, от него!

— Я не думаю, чтобы волки были так глупы,—возразила девушка и, приняв какое-то решение, вдруг начала поворачивать лося.

— Не будете ли вы так добры выйти из саней и приподнять их, чтобы сани не опрокинулись при повороте?

— Но согласится ли на это ваш лось?—воскликнул молодой человек.

Животное, повидимому, не только не имело ничего против, но казалось, даже желало сразиться с врагами. Когда сани повернули на дорогу,

ведущую к Черной Реке, Аманда сказала, словно извиняясь:

— Может, это ужасно глупо с моей стороны, но, видите ли, я боюсь, что там с волками человек.

Аманда погнала лося вперед. И вдруг в этот момент снова раздался возбужденный вой нескольких волков.

— Несомненно, они сторожат кого-то!—воскликнул Росс.—И они совсем недалеко отсюда, вон за тем поворотом.

Едва он успел это выговорить, как, покрывая вой волков, раздался громкий крик—смелый и властный крик человека. У Аманды замерло сердце.

— Слышите?—ахнула она.—Это отец!..

IV. Спасение отца

То, что несколько последних миль его преследовали по пятам пять волков, не очень пугало Джона Карсона. Только изредка мелькала жуткая мысль о том, что произошло бы, если бы он упал или сломалась лыжа. И вдруг действительно, его лыжа зацепилась за верхушку пня, скрытого под снегом, и он полетел головой в снег. Падая, он слышал треск сломавшейся лыжи.

Мурашки пробежали у него по спине. Он вскочил на ноги, протирая глаза от снега, и повернулся лицом к своим врагам, но сейчас же снова опустился на снег, так как не мог твердо ступить на правую ногу.

Волки бросились вперед, но у них не хватило мужества напасть на человека. Трое из них стояли, оскалив клыки и сверкая своими зелеными глазами. Сердитый крик и легкое помахивание блестящим лезвием топора убеждали их, что человек еще слишком опасен для них. Приходилось выжидать, и они отступили назад. Но ждать они не любили. Два волка уселись на задние лапы и нетерпеливо завыли. Может быть, они хотели привлечь воем остальных волков своей стаи, которые помогли бы им овладеть жертвой.

Джоном Карсоном постепенно овладевал ужас. Он боялся, что сломал себе ногу и что в конце концов, измученный страданием и ослабевший от холода, он не будет в состоянии отражать эту трусливую стаю. С сильно бьющимся сердцем ощупал он ушибленное место и почувствовал облегчение: кости были целы. Очевидно, он только растянул на ноге сухожилие.

Но он знал, что ему понадобится слишком много времени на то, чтобы добраться до дома, волоча шаг за шагом по глубоким сугробам свою беспомощную ногу и отбиваясь от волков, которые осмелеют, когда поймут его положение.

Он упрямо стиснул зубы, высвободил ногу из бесполезной для него теперь лыжи и выпрямился во весь рост, стоя на одной ноге и пользуясь уцелевшей лыжей вместо костыля.

Вдруг до его ушей долетело бряцание колокольчика. Он громко крикнул. Ему ответили два

голоса—мужской и женский. К своему удивлению он узнал голос Аманды. Но он окончательно был поражен, когда минутой спустя из поворота дороги показался огромный лось, важно шагавший по снегу и тащивший за собой сани. При этом странном зрелище волки невольно отступили. Из саней грянул выстрел, за ним другой, и один из волков подпрыгнул и беззвучно вытянулся на снегу. Остальные пустились бежать, совсем распластавшись на снегу. В следующую минуту странный экипаж остановился перед Карсоном. Лось фыркал и мотал головой, словно приписывая себе всю честь победы.

— Отец!! Отец!—крикнула Аманда, с трудом удерживаясь от рыданий и, выпрыгнув из саней, бросилась к отцу.—Что, что случилось?

Веселый смех Джона Карсона успокоил ее.

— Ничего,—сказал он,—кто-то мне подставил ножку. Но ты очень кстати оказалась здесь со своим зверинцем. Волки имели свое собственное мнение относительно моего лечения, но я не мог согласиться с ними, и потому предстояла большая схватка.

— О отец!—прошептала Аманда.

И ей так ясно представилось, что могло бы произойти, если бы она проехала мимо, не свернув на дорогу, ведущую к Черной Реке, что она опустилась на снег и заплакала...

РОГАТЫЙ ВОР

Рассказ А. Барченко

Нас было только четыре человека, которые жили на лесопилке постоянно: высохший, как листвова́й табак, старик-индеец, по прозвищу «Раттльснэк»¹, ходивший за лошадьми, негр Аарон, кочегар и смазчик, мой помощник и я—машинист.

Бывали месяцы, когда возле нашей избушки вырастал целый город дощатых бараков. Появлялись долговязые фигуры обитателей соседних штатов, бродили остроносые метисы и с хрипом давился граммофон под навесом временного «клуба».

Тогда день и ночь визжали лебедки, стонали блоки, там и сям, словно пистолетные выстрелы, раздавался стук падавших досок, и, облупив ржавчину с тоненьких рельс, весело бегал с груженными платформами к берегу заводский паровоз «Джимми»². Нарождалась эта кипучая жизнь весной, к концу ледохода, когда с устья реки поднимались пароходы, грузившие лес, когда вязали плоты и

¹ Гремучая змея.

² Колдунья.

(Прим ред.).

с гор скатывали к лесопилке по мощным откосам заготовленный за зиму лес.

Эта жизнь постепенно замирала в середине лета, когда река начинала мелеть. В продолжение месяца лесопилка отдыхала, чинилась, смазывалась. Агенты компании, в крахмальных воротничках и клетчатых костюмах, озабоченно делали свои подсчеты, а потом и они уезжали, и в «Змеином утесе», в нашей избушке, оставалось попрежнему четверо: Аарон, Раттльснэк, мой помощник и я.

С наступлением утренников мы пускали в ход все станки и ежедневно в течение восьми часов превращали смолистые бревна в пахнувшие весной белоснежные «дюймовки», «вагонки», карнизы и плинтусы.

Праздниками мой помощник почти всегда напивался до потери сознания. Аарон и Раттльснэк целые дни просиживали у печки. А я надевал меховую куртку, подвязывал ременные канадские лыжи, закидывал за плечи пятизарядный «автомат» Винчестера, и, свистнув короткохвостого, желтозубого Джека, отправлялся бродить по лесу. Иногда удавалось поднять тяжелого глухаря. Изредка я натывался на лосей. Медведи были распуганы, зато волки выли со всех сторон. Отпугнешь выстрелом,—через десять минут в глубине леса снова рождается погребальное: «у-у-у», и в тон ему изпод утеса молодой жалобный голос заводит: «и-и-и»...

Гости в нашей избушке были редки.

Раз в два месяца агент компании привозил жалование и коньяк, на котором наживал с нас безбожный процент. На святки появлялась жена нашего индейца, такая же молчаливая и угрюмая, как и он. Супруги, стиснув в зубах длинные трубки, садились на пол у камелька и пристально, часами, глядели на огонь, изредка нарушая тишину глухим, отрывистым гуканьем.

Когда перевал через горы забивало пухлым, неслежавшимся снегом, мимо нашего утеса, долиной, в объезд, сообщались с железной дорогой обитатели самой глухой глубины леса. Тогда нас навещали приятели и сослуживцы, с которыми мы не видались по целому году—от зимы до зимы.

Поденщики на ночь уходили на лыжах в поселок за полторы мили. Кое-кто, впрочем, иногда оставался ночевать. Чаще всех русский, Василий Князев. Ночевать он норовил обыкновенно под праздник. Дело было в том, что неодолимой слабостью Василия была охота. Он принадлежал к колонии сектантов, покинувших Россию из-за преследования царского правительства. Односельчане Василия считали грехом употребление в пищу мяса, и за охоту еще с детства ему приходилось терпеть колотушки и попреки.

Василий пользовался каждым случаем, чтобы остаться подольше у нас. Он ухаживал за Джеком, чистил ружья, и величайшим наслаждением для него было, выпросив у моего помощника «Винчестер», чуть посереет восток, вместе со мною

закатиться в лес и прошататься хотя бы в бесплодной погоне за вспугнутым лосем до темной ночи.

Поэтому мы дружно изумились, когда Ратгльснэк напомнил как-то за ужином:

— Русский с белыми волосами уже третью субботу уходит домой.

Волосы у Василия были вовсе не белые, а самого великолепного золотистого оттенка, к тому же вились крупными свободными кольцами. Но мы поняли, что он говорит о Василии. Ратгльснэк был прав: мы не видали Василия в нашей избушке почти уже месяц. Я высказал предположение:

— Должно быть Василий хворает?

— Нет, он каждый день на работе,—ответил Ратгльснэк, следивший в свободное от обязанностей конюха время за одним из станков.

— Какая теперь охота!—проворчал мой помощник Спринг.—Весна, оттепель. Порядочный человек носа на улицу не высунет. В особенности, если запасся дровами и может спокойно сидеть у огня.

Я возразил:

— Теперь у глухарей самый ток. Послушай-ка на заре. Снег еще крепок. Да и река раньше конца месяца не вскрыется.

— Лед на реке давно под водой,—сказал Спринг.

Аарон, особенно благоволивший к Василию, таинственно подмигнул и сказал значительно:

— Русский посвателся к дочери длинного Джима.

Оживился даже угрюмый Спринг. Длинный Джим, жилистый пожилой калифорниец, переселившийся к нам на север всего два года тому назад, успел прослыть богачом поселка. Он снял заливные луга на десять миль по течению и поставил бревенчатый сруб-конюшню на пятнадцать голов. С лошадьми и дюжиной батраков он работал у нас на подвозке бревен. О сватовстве Аарону сообщил под секретом приказчик Джима.

Спринг пробормотал:

— У малого губа не дура. Если дело не пахнет десятком тысяч долларов, пусть меня посадят в конуру вместо бесхвостого Джека!

Раттльсизк покачал головой и сказал недоверчиво:

— Если родился человек, который сумел бы получить с длинного Джима десять тысяч, то, наверное, он умер в раннем детстве от тяжелой болезни.

— Джим тоже не бессмертен,—возразил настаивательно негр.

Спринг поддержал:

— И так и этак—ставка беспроигрышная...

Торопливое ласковое взвизгивание послышалось за дверьми. Джек, очевидно, кого-то встречал или почуял. Постучали. На пороге появилась знакомая фигура в дубленом полушубке и бараньей шапке.

— Легок на помине,—сказал Спринг.—А мы только что про тебя говорили.

Вошедший отряхнулся от мокрого снега, снял полушубок, и, оставшись в обычном костюме обитателей этого леса—в красной фланелевой рубашке, подсел к огню.

— Можно поздравить?—спросил Спринг.—Я могу передать агенту заказ. Он приедет на этой неделе!

Гость поглядел на моего помощника с недоумением, потом понял и смущенно улыбнулся:

— Боюсь, мистер Спринг, что заказ будет... преждевременным.

— Почему же?

Но Василий повернулся ко мне и сказал по-русски:

— Я к вам, земляк, за советом.

— В чем дело? Или не выгорело?

— Нет, этого нельзя сказать. У нас совсем было наладилось, и старика удалось уломать... Про нее и говорить нечего...

— За чем же остановка?

— Вы нашего старшину знаете, Алексея Аверьянова? У него по берегу клевер в копнах... Река почти вплоть подошла, надо свозить под сарай. Явились с подводами, а две крайних копны сверху разворочены. Почти половины не хватает...

— При чем же тут вы?

Василий замялся:

— Помните, я вам рассказывал, как Пашка Гусев меня подвел: ружьишко в те поры у меня обнаружил. Сейчас этот Пашка от старика не выходит. Что он ему поет, кто его знает! Только

сегодня Джим вызвал меня к себе, и говорит, чтобы я вора нашел. А не то, дескать, не видать тебе Дженни, как своих ушей...

Василий повторил рассказ моим товарищам по-английски. Спринг отозвался:

— А вы не пробовали послать его к чорту! Разве вы шериф? ¹.

— Этим не поможешь. Они вон как дело обернули. У меня, сами знаете, лодка... И участок мой рядом с Аверьяновским. Нынче, чем свет, вышел я к берегу: не пора ли, думаю, веревку поправить, кабы лодку не залило. Глядь, а у самого схода старшина наш, с ним Джим и здешних четыре человека. Гляжу, Пашка с ними. Вертится подле моей лодки, пальцем показывает, языком лопочет... Я подошел, поздоровался. Все от меня рыло воротят, а Пашка так это сладко: «Что это ты, Вася, так рано поднялся? По какой причине себя беспокоишь?»—«А вы, говорю, по какой причине по берегу в эту пору шатаетесь?»—«А мы, отвечает, следов ищем, кто к старшине в гости повадился. Около тебя маленько замешкались. Очень любопытно, как ты свою лодку бережешь. Сенцом окрутись для мягкости»...

Глянул я, а к борту чуть не вязанка прилипла, водой, наверно, нагнало и внутрь нахлестало. И все клевер. Верите ли, словно кто меня по затылку ударил. Молчу, а сам чую, что краснею, будто против печки стою. Повернулся я и пошел. А

¹ Так называется в Америке полицейский. (Прим. ред.).

вдогонку, слышу Джим кричит: «пока вор не найдется, дорогу ко мне забудь!».

— Чего же вы волнуетесь?—спросил Спринг.— Если вы действительно не брали и...

Он встретился взглядом с Василием, порывисто к нему повернувшимся, напряженно закашлял и, наклонившись к огню, особенно тщательно стал раскуривать трубку.

Раттльснэк расклеил тонкие губы и ободряюще похлопал Василия по плечу.

— Русский говорит, что следов на берегу не было? Василий отрицательно махнул головой.

— И высоко разрыто?

— То-то и дело, что высоко. Не иначе, как вилами. Скотине так не достать.

Индеец весело подмигнул и сказал уверенно:

— Теперь надо спать. Потом будем ловить вора. Раттльснэк поймает. Нужно только встать после полуночи.

И восток и запад были еще задернуты одинаково плотной лиловой мглой, когда мы доехали до усадьбы Василия Князева и, оставив лошадь в крытом загоне, двинулись к берегу.

Большая медведица уже опустила свой хвост. Плеяды подмигивали тусклыми холодными глазами почти у зенита, и жарко горела над горизонтом радужной свечей продолговатая Венера.

Василий отвязал от столба лодку, вычерпал жестянкой воду. Под берегом проползла черная тень. Тихо плеснуло, сморщилось стальное зеркало реки

лучистой рябью, и из мутной мглы взвился кривой нос долбленной пироги, на которой Раттльснэк перевозил обыкновенно на лесопилку с того берега агента с жалованьем и коньяком.

Теперь индеец, сидя на корме, неслышно работал единственным веслом. Пирого подошла к лодке вплотную, и я заметил на носу у нее небольшой шест. Раттльснэк тихо окликнул Василия:

— Русский пусть садится ко мне, сам будет стрелять по вору. Мастер пусть едет с помощником. Только не болтайте и не гремите ключинами. Гребите одним веслом с кормы... Спешить некуда.

Спринг шагнул за мной в лодку, закачал ее, чуть не хлебнув бортом воды, и сердито проворчал:

— Это тебе для чего?

Индеец, прикручивавший проволокой к шесту пироги заводский керосиновый факел, в ответ щелкнул лишь языком и, как настоящая змея, проскользнув на корму, прошипел:

— Не шуметь!.. Не отставать!..

Это, однако, было легче сказать, нежели сделать. Пирого, врезавшись в воду, сразу обратилась в чуть заметное мутное пятно впереди. Наша лодка неуклюже завернула и зашлепала носом. Я не привык работать кормовым веслом, и, когда мы догнали своих спутников, пирого стояла уже неподвижно, опрокинувшись в зеркале спокойной воды вместе с остроносым индейцем и скорченной фигурой Василия, который сидел на передней скамье, положив на колени «Винчестер».

Спринг опустил якорь, и лодка, мягко толкнувшись на привязи, медленно описала дугу и выпрямила нос по течению. Я завернулся в войлочную чуйку поверх своей куртки, прислонился поудобнее к спинке кормовой скамьи и стал смотреть на реку.

Набежавшими из соседнего штата водами затопило крепкий еще лед, и кругом была полная картина весеннего разлива. Река словно пухла перед глазами. Изредка, медленно крутясь, проплывали мимо лодки мелкие льдины. Течения не было заметно, и казалось, что черный обломок сам ползет по неподвижной стальной глади. Там и сям слышались одинокие всплески. Это обрывался в воду подмытый у берега снег. Иногда над головой рождались свистящие вздохи, и высоко в небе переговаривались спокойные гортанные голоса: гуси тянули с юга на запад, с долины, где реки давно уже вскрылись. Тихо дышала зеркальная водяная поверхность; чуть колыхало, словно баюкало, лодку. У меня начинали слипаться глаза...

Тихое предостерегающее шипенье индейца заставило меня очнуться. Пирога двинулась, на этот раз тихо, прямо к берегу, где в жестком холодном тумане чернели островерхие конуса копен. Опуская в воду весло, я тотчас разобрал какой-то новый звук. Кто-то сильными ногами мерно шлепал по воде, направляясь вдоль берега. Потом плеск замолк, и слышно было, как, сухо шурша, кто-то разгребал сено...

В ту же минуту впереди, на пироге, вспыхнуло пламя факела, кинуло вверх дымное облако и кровавой полосой света осветило берег, черную копну клевера у опушки, на фоне приземистых елей, и у самой копны огромную, странную, словно застывшую фигуру...

Я еще не успел разобраться в открывшейся внезапно моему взору картинке, как руки мои инстинктивно схватились уже за винтовку и я щелкал предохранителем.

В нашу сторону, как мне показалось, прямо на меня, глядели маленькие, злые, ошалевшие от неожиданности глаза под огромным широким лбом, увенчанным парой могучих зубчатых лопаток-рогов.

Колоссальный рогач—самец-лось замер на месте, ошеломленный непонятым явлением. Факел защищала сзади доска, оставляя лодку в тени.

С минуту животное стояло неподвижно. Потом медленно, оступаясь, скользя, сошло в воду, двинулось по мелкому месту и снова замерло с прикованным к красному глазу факела взглядом, повернув к нам лобастую голову и широкую могучую грудь с выпуклым кадыком шеи.

С пироги раздался выстрел.

Страшным прыжком лось взрыл под собой целую гору пены, припал на передние ноги, снова поднялся и под новым выстрелом завалился на бок, хрипя, взбивая пену и тяжело дыша вылезшим из воды выпуклым боком.

Почти одновременно на опушке вспыхнули огоньки, и над головами у нас жалобно засвистели пули.

Я помню целый поток ругательств, вылетевший из костлявой груди Спринга. Помню гортанный клекот индейца и его дикую сухую фигуру, вставшую внезапно во весь рост и одним могучим ударом весла загнавшую пирогу на берег чуть не до половины.

Была суматоха, беспорядочная толкотня и крики, пока выяснилось, что стрелявшие с опушки, так же, как и мы, караулили вора. Двинулись к убитому лосю толпой прямо по воде... Длинный Джим ковырял зачем-то стволом винтовки у лося под брюхом, растерянно свистал, потом виновато повернулся к Василию. Пашка Гусев, юркий, вертлявый человек с рысьим лицом, тщательно исследовал тушу, затем поднялся, видимо разочарованный, и, ядовито хихикая, обратился к Спрингу:

— Да, того... Чистая работа! Хи-хи-хи!.. Чисто подогнано... Что и говорить. И лось, и в воде лежит, и... хотел бы и я... :

Я видел, как широко размахнулась костлявая рука моего помощника, и чье-то тело среди целого снопа брызг скрылось на минуту совсем под водой, рядом с тушей убитого лося...

Пашка вскочил, кашляя, задыхаясь, выплевывая проклятья вперемежку с грязной водой. А скрипучий голос Спринга произнес спокойно и вразумительно:

— Вы сказали: «Лось в воде, хотел бы и я». Я и доставил вам удовольствие.

ДЛИННОБОРОДЫИ И ШИРОКОРОГИЙ

Рассказ о русских лосях С. Покровского

I. Два друга

Кончался ясный весенний день. Затерявшееся среди огромного торфяного болота небольшое озеро еще не очистилось, но лед на нем пожелтел, местами потрескался, местами покрылся лужами набежавшей сверху воды.

Когда солнце село, по болоту побежали серые сумерки. Небо на востоке потемнело, а на западе загорелась ярким зеленоватым огнем светлая вечерняя звезда.

В это время из кустистой опушки березняка выступили две темные фигуры, остановились неподвижно и медленно повернули длинные головы к озеру.

Это были два огромных взрослых лося.

Один из них нес на голове широкие рога с большими крепкими зубцами. Другой был без рогов, и поэтому его можно было бы принять за лосиху. Но высокий рост, густая длинная борода под свирепой мордой и широкие костяные пеньки

на макушке ясно говорили, о том, что он также самец, только сбросивший недавно рога. Он был старше и сильнее другого и потому раньше изнашивал свои головные украшения.

Ранней весной, когда лоси расстаются с лосихами, часто бывает, что старый лось избирает себе в товарищи другого, и они неизменно бродят всюду вдвоем.

Выйдя из леса, животные осторожно тронулись дальше, подошли к узкому заливу озера, разом наклонились к воде и стали пить.

Пили они долго, поводили большими ушами, иногда хлопали ими себя по щекам, изредка поднимали головы и прислушивались.

Длиннобородый пил особенно жадно и для удобства даже слегка расставил передние ноги. Когда лоси напились, они выпрямились и стали слушать.

Вдруг они подняли морды и тревожно захрапели; глаза их налились кровью, а ноздри широко раздулись.

На полянку из чащи мягко выскочил волк и рысцой побежал вдоль опушки...

Через минуту он остановился, почуяв сохатых, и присел на задние лапы. Вдруг он поднял голову и жалобно завыл, издавая плачущие звуки, которые заканчивались тонким взвизгиванием.

Лоси стояли неподвижно, готовые броситься на врага.

Но волк внезапно оборвал вой и, поджав хвост, побежал своей дорогой и скрылся в чаще. Почти

сейчас же по его следу выскочила волчица. Остановившись на опушке, она осмотрела ее внимательным взглядом и тихо взвизгнула, оглядываясь в оставленную чащу. Оттуда выбежали три волченка и вся волчья семья двинулась гуськом через полянку, не обращая внимания на лосей.

Едва лоси проводили глазами это удивительное шествие, как несколько зайцев, прижав к спине длинные уши, большими, но медленными прыжками перебежали полянку, поминутно останавливаясь и оглядываясь назад.

Затем целый выводок молодых глухарей с шумом перелетел поляну и опустился в противоположных кустах. Вслед за ним несколько рябчиков пролетело в том же направлении. Рябчики сели на деревья на опушке, посидели немного, поворачиваясь туда и сюда, но скоро снова поднялись и исчезли во мраке леса. Еще через минуту до слуха лосей долетело тихое: «ко-ко», «ко-ко», и старая тетерька, окруженная дружным выводком тетеревят, вышла на середину поляны и торопливо зашагала вперед.

Это все было очень странно и предвещало что-то недоброе. Вместе с тем это переселение животных и птиц не было похоже на бегство от человека.

В этом случае беглецы летят, бегут торопливо, без остановок, пока чувствуют близость преследователя.

Это были два огромных взрослых лося, один — с широкими зубчатыми рогами, другой — без рогов...

Здесь звери, напротив, уходили, как будто в раздумьи, как бы нехотя, и все же невидимая сила гнала их вперед, вопреки их желанию.

Вдруг тихо качнулись ветви, зашептались деревья, и беспокойная волна ветра промчалась над лесом.

Лоси сильно потянули воздух, и шерсть на их горбатых загривках встала дыбом. Ветер донес запах далекой лесной гари.

Ночь понемногу темнела. Зажигались звезды. Приносимый ветром запах дыма делался все сильнее.

Лоси зафыркали и вышли из кустарника, где они скрывались до сих пор.

Движения их стали тревожными, они поводили ушами и вздрагивали кожей. Пораздумав, они двинулись прямо на юг, чтобы обойти тот дымный костер, который встревожил их обоняние.

Огромные темные тела их беззвучно, как живые тени, зашагали через потемневшую полянку, мерно качая длинными сердитыми головами.

Они шли один за другим, наклоняя при каждом шаге свои бородастые головы и кося глазами. Пройдя поляну, они вступили на старую звериную тропу, по которой привыкли ходить много лет. Здесь, под густыми сводами ветвей, запах дыма был не так заметен.

Но когда после нескольких минут ходьбы они вышли на другую поляну, ноздри зверей стали ясно различать горький запах лесной гари, и видно

было небо, на севере пожелтевшее от зарева далеких огней.

Теперь были видны также розовые клубы дыма, подымавшиеся из-за зубчатой стены елок, и порой тяжелое падение обгоревшего ствола глухо долетало до слуха.

Лоси ускорили шаг. Начинался ветер, искры взлетали и падали на соседние елки, и сухие смолистые хвои вспыхивали одна за другой, словно факелы среди густого ночного мрака.

Когда лоси взошли на высокую гряду холмов, через которую вела их привычная звериная тропа, они увидели с их вершины уже целую бурю огня, бушевавшего в долине. Туча багрового дыма крутилась над гибнувшим лесом, и в ярком ореоле огня, светящегося дыма и сверкающих искр видно было мелькание крыльев испуганных птиц. Они вились над пламенем, как ночные бабочки над яркой лампой. Карканье разбуженных ворон, шипение пламени, треск сгоравших веток слышались ясно в лесной тишине. Удушливый горький дым застилал собою даль и захватывал дыхание. Начинался долгий лесной пожар, истребитель таежного царства. Огонь пожирал одно дерево за другим. Зловещее зарево все шире расстилалось по небу.

Лоси долго стояли, повернув к пожару свои налитые кровью глаза. Вдруг старый Длиннобородый вытянул шею, и могучий глухой рев потряс его тело и притаившуюся глубину леса. Рев этот

повторился несколько раз; скоро к нему прибавился другой, более высокий голос младшего лося.

Они долго ревели вдвоем на вершине песчаной гряды, озаренные красным отблеском близкого лесного пожара. Их голоса то чередовались, то сливались вместе и далеко разносились в неподвижном воздухе ночи.

Тайга выгорела на огромном протяжении. Люди собирались корчевать пни и готовить для пашни новую почву, никогда не знавшую сохи и пропитанную золой и лесным перегноем. Они ждали большого урожая от земли, обгорелой, дымящейся, мрачной...

А лоси ушли далеко на юг от черного печального пожарища, как ушли от него все птицы и звери,— все, что могло убежать или улететь.

С этим пор оба старые друга начали вести беспкойную бродячую жизнь, переходя с места на место, с одного болота на другое, не находя себе нигде пристанища по душе.

В этих бесконечных кочевьях они испытали немало приключений и бед. Они натыкались на людей и убегали от них, встречали волков, которых прогоняли без большого труда. Попадали в трясины, через которые перебирались с напряжением всех своих сил. Длиннобородый ступил однажды в волчий капкан, из которого вырвал ногу, но глубоко изодрал ее, изуродовал копыто и долго

после того поджимал ногу и прихрамывал, когда приходилось на нее наступать. Отважная рысь прыгнула с дерева на шею меньшему лосю; но Длиннобородый сбил ее рогом на землю, и дерзкий хищник погиб под ударами могучих копыт свирепых лесных чудовищ.

В глубоком узком овраге, под сводом еловых ветвей, лоси встретили молодого медведя, с которым вступили в бой и заставили спастись бегством.

Однажды охотники выследили их и устроили на них облаву. Им удалось прорваться и убежать, но оба они были ранены и сильно ослабли от долгой погони.

Во время бегства, истекая кровью, лоси встретили на пути большое озеро, которое им пришлось переплыть. На озере был ветер и высокие волны. Волны захлестывали им ноздри и слепили глаза. Холодная вода студила их разгоряченное тело. Плыть было тяжело, раны болели, но возвращаться было нельзя, потому что погонщики были сзади на берегу. Они кричали им вслед и несколько раз стреляли из ружей.

Выбиваясь из последних сил, лоси добрались до другого берега и ушли через непролазные топи и трясины, через высокие заросли, через топкие торфяники, поросшие кривым осиновым лесом.

Они ушли далеко, но были в конце, обессилены и истощены. Несколько дней провели они, лежа

в глухой осиново́й ча́ще, без пи́тья и почти не при-
нимали пи́щи. Ра́ны го́рели и сочи́лись, ка́ждое
дви́жение возо́бновляло кро́вотече́ние и бо́ль. Му-
чи́тельная лихора́дка ки́дала их то в жа́р, то в
хо́лод.

Ко́гда на́конец мо́гучие си́лы зве́рей по́бедили
бо́лезнь, они встали и по́шли на водо́пой. Но́ги еле
де́ржали их; ко́лени гну́лись; го́ловы бы́ли низко
опу́щены к зе́мле; уста́лые гла́за уны́ло смо́трели
пе́ред со́бой. От ка́ждого шо́роха они вздра́гивали
и оста́навлива́лись, но ка́залось, что бе́жать они
бо́льше уже не в си́лах. Вы́йдя к во́де, они осмо-
тре́лись и нача́ли пи́ть.

Они́ пи́ли до́лго и мно́го, и ви́дно бы́ло, как их
то́нкая ко́жа те́сно обтя́нула, проту́пившие ко́сти
и ре́бра.

С те́х пор ло́си нача́ли по́правля́ться. Си́лы по-
не́многу возо́браща́лись, и они́ сно́ва нача́ли де́лать
бо́льшие пе́рехо́ды, подвигая́сь все́ да́лее к ю́гу.

На́конец они́ вы́шли в ши́рокую до́лину Во́лги.

Те́перь ло́си по́пали в ста́ну, бо́лее гу́сто насе-
ле́нную лю́дьми. Но́ лю́ди здесь жи́ли зе́млей, а не
охо́той, и оста́вляли ло́сей в по́кое.

Здесь бы́ло ме́ньше во́лков, а ро́ссомах и ры́сей
не бы́ло во́все. И ни́ разу зло́вещие зе́леные гла́-
за не свер́кнули на́ них в глуби́не дре́весных ве́твей.

Встре́ча с лю́дьми по́немногу пе́рестала их си́ль-
но́ тре́вожи́ть.

Же́нщины убе́гали от них, а кре́стьяне про́дол-
жали́ итти́ сво́ей до́рогой, поро́ю ли́шь ста́раясь

испугать лосей криками, улюлюканьем, но не пускаясь в погоню и не причиняя им никакого вреда.

Наконец лоси забрели в большой смешанный лес, который кольцом обступил обширное торфяное болото с небольшим озерком посредине. Лес был глухой и тихий. Заросли высоких кустов хорошо скрывали их днем. Ночью лоси без помехи могли ходить в нем, куда хотели. Порой они выходили на опушку, к крестьянским лачугам, за которыми видели по вечерам яркие звездочки огней в окнах темных избушек.

II. Осенние драки

Незаметно подкрадывалась осень.

Появились желтые гроздья осенней листвы в потемневшем изумруде вершин. Раньше стало прятаться солнце, а ночи делались все холоднее и темнее. В темном ночном небе все ярче разгорались бриллианты звездных искр. Мерцающий Млечный путь все явственней выступал и светился в густеющей глубине небес.

Лоси стали чесать свои рога о кусты и деревья, — надоедливый зуд не давал им покоя.

Кожа и шерсть клочьями сдирались с рогов, свешивались с них в виде темных лохмотьев, а из-под них проступала наружу окаменевшая светлая кость.

Прежняя тесная дружба двух лосей начинала понемногу уступать новому недружелюбному

беспокойству. Порою во время обдирания кожи Длиннобородый вдруг грубовато стучал своими тяжелыми рогами в бок своему товарищу, который при этом поворачивался, поднимал дыбом шерсть на загривке, и, с хрипом наклоняя голову, сердито потрясал своими широкими рогами, которые в этом году выросли у него тяжелее и больше, чем у Длиннобородого. Глаза у обоих гневно сверкали и наливались кровью, и они, постояв друг перед другом в угрожающих позах, с храпом медленно расступались, сердито угрожая кому-то широкими зубцами рогов.

Такие ссоры стали повторяться все чаще и чаще, обыкновенно неожиданно для них самих, и лоси стали вести себя так, словно они сильно надоели друг другу.

Однажды, когда Длиннобородый вернулся после одной из ночных прогулок, он не дождался своего широкого товарища. Широкогордый, сильно выросший и окрепший, последние дни был особенно беспокоен. Несколько раз он сам начинал ссоры с Длиннобородым. После одной из таких коротких ссор они разошлись с сердитым фырканьем: Длиннобородый в одну сторону, Широкогордый в другую.

Широкогордый не возвратился и на следующий день, а Длиннобородый, оставшись один, все прислушивался и ждал и чувствовал не то раздражение, не то тревогу. Когда пришел вечер, он вскочил, быстро пошел, нюхая траву и вглядываясь в темные лохматые фигуры кустарников.

Для Длиннобородого наступило тревожное время скитаний. Он бродил по лесам и болотам, делая большие круги вокруг торфяника и озера, возле которых прожили столько времени.

Он узнал, что на десятки верст кругом тянутся то леса, то болота, то серые луга по течению извилистых рек, то сжатые пожелтелые поля.

Поле он переходил ночью, но в болотах и лесах скитался и днем, не зная ни отдыха, ни покоя. Теперь он мало ел, мало пил и почти не спал.

Низко опустив голову, словно чуя чьи-то следы, шел он вперед и вперед, иногда возвращался к озеру, иногда вновь уходил от него на целые десятки верст.

Однажды лось наткнулся в лесу на крестьянина в красной кумачевой рубашке, с белой котомкой на согнутых плечах. Вместо того, чтобы свернуть в чащу, Длиннобородый ощутил прилив необычайной ярости и вдруг, наклонив рога, побежал на человека.

Крестьянин был страшно перепуган неожиданным нападением рогатого зверя. Бросив котомку, он ударился в поспешное бегство и начал карабкаться на развесистые ветви старой сосны, росшей у края поляны.

Когда лось добежал до сосны, крестьянин был уже высоко.

Эти неудержимые приливы ярости предвещали что-то новое в жизни лоса.

И это новое скоро настало.

Была холодная полночь. Белые лучи луны пробивали лесную глушь и ложились на траву зелеными пятнами.

Было тихо. Ветви не шептались между собой. Только порой срывался увядший осенний листок и с шуршанием падал на землю, которая уже покрылась тонким слоем опавшей листвы.

Тяжелый треск ломавшихся ветвей послышался в чаще. Кто-то большой шумно шел через кусты, и скоро легкие звериные шаги, глубокое неровное дыхание и сдержанное фырканье послышались за ближайшими кустами.

Еще несколько минут—и по сырой тропинке, стиснутой ореховыми кустами и растопыренными купами волчьих ягод, уже увешанных почерневшими круглыми бусинами плодов, показались две темные фигуры.

Тонкий и уже высокий четырехмесячный лосенок на длинных, как тростинки, ногах выскочил на поляну, а за ним усталой походкой выдвинулось худое, слегка горбатое тело лосихи.

Выйдя из чащи, звери остановились, и лосиха напряженно втянула в себя воздух и стала слушать. Оба зверя повернули головы назад, как будто где-то за ними была приближающаяся опасность.

Вдруг они оба вздрогнули. Глухой, отрывистый, несколько раз повторившийся рев донесся издали, всколыхнув разбуженную лесную тишину. Лосиха как будто замерла от этих далеких звуков, а лосенок прижался к ней, дрожа всем телом.

Рев повторился ближе, и лосиха, мотнув головой, пошла вперед, подталкивая лосенка. Оба они казались усталыми и тревожными.

Прошло некоторое время, рев снова раздался, на этот раз гораздо ближе, и скоро по следу прошедшей лосихи послышался приближающийся шум ветвей.

Через несколько минут из орешника высунулась рогатая голова Длиннобородого.

Он шел быстрой широкой иноходью, пригнув шею к земле, с глазами, налитыми кровью, тяжело вдавливая копытами шуршащие листья в мягкий лесной перегной. Рога его по временам задевали за ветви осин и с треском ломали их.

Восток засветился бледными лучами зари, когда лосиха с лосенком, изнемогая от усталости, вышли к торфяному болоту из той самой чащи по косогору, откуда впервые Длиннобородый с товарищем увидели озеро.

Они едва переступали разбитыми ногами, когда, пройдя кустарник, увидели перед собой открытое место, далекую, устланную туманом равнину озера и болота. Оба остановились, как бы раздумывая, что делать.

Лосиха сделала еще несколько шагов, но вдруг стала, потому что лосенок вдруг подогнул ноги и улегся на мягкой, покрытой листвой почве.

В то же время узкая голова Длиннобородого высунулась из опушки. Завидев стоящую лосиху, лось крупными шагами направился к ней.

Она не двинулась с места, только испуганно глянула на него большими темными глазами.

Длиннобородый, высоко подняв косматую голову, потрясая венцами рогов и встряхивая черной прядью своей бороды, уже подбегал к ней с гордой осанкой, танцуя на длинных и стройных ногах, упругих, как крепкие стальные пружины...

С этих пор Длиннобородый всюду ходил только с лосихой и лосенком. Лосиха больше не боялась и не убегала от страшного лося. Она знала, что он гораздо сильнее ее, но что и его сила, и его мощные рога, и его крепкие острые копыта будут защищать и ее, и ее лосенка от всех врагов.

Теперь она могла меньше бояться волков, теперь к ее чутью и тонкому слуху прибавилось еще тонкое чутье и слух Длиннобородого, и когда в полуденный час они стояли все трое в ольховнике журавлиного островка, она чувствовала себя гораздо безопаснее, чем раньше.

По ночам они выходили к озеру, чтобы покормиться кислой клюквой на торфянике и, одетые белым туманом, подолгу простаивали у воды, прислушиваясь к таинственным ночным голосам.

Прошло несколько дней. Семья лосей прочно поселилась среди лесистого болота. Жидкие топи берегли их покой.

Однажды в утренний час Длиннобородый, лосиха и тонконогий лосенок мирно дремали у края торфяного болота.

Неожиданно чуткое ухо Длиннобородого уловило неясный шум, показавшийся ему подозрительным.

Длиннобородый весь встрепенулся, пригнул голову к земле, опять поднял ее кверху, переступил несколько шагов и замер на месте в немом ожидании.

Шум приближался все больше, уже слышен был хруст валежника и шелест сухой листвы.

Еще мгновение, и глухой, отрывистый голос лося послышался оттуда и гулко раскатился в воздухе. Длиннобородый ступил вперед и ответил ему вызывающим, яростным ревом. Вытянувшись всем телом вперед, он дрожал от напряжения каждым мускулом, каждым суставом.

Вновь шелохнулись сучья, зашуршали упавшие листья, и навстречу ему вышел огромный Ширококорогий лось, с глазами налитыми кровью, с белой пеной у губ и гневно вставшею на загривке шерстью.

Теперь это были два смертельных врага.

Теперь наступила пора, когда два рогатых лося не могли видеть друг друга без того, чтобы не померяться силами и не завязать друг с другом ожесточенного поединка.

Теперь один из них думал о том, чтобы отстоять свою семью, другой горел желанием завладеть ею. И они ненавидели друг друга.

Ширококорогий бросился первый. Он нагнул голову, и рога их сшиблись с глухим стуком, кость о кость.

Лосиха и лосенок с испугом отбежали к опушке и, повернув назад шеи, глядели на битву.

Перед ними разворачивалась ужасающая картина. Звери силились сбить друг друга с ног, старались вонзить в глаз противнику передний зубец своего рога. Упираясь рогами и лбами, они так напрягали ноги и туловище, что оно почти растягивалось по земле. Пена бежала у них изо рта; все тело дымилось от пара, злобный рев потрясал воздух, а глаза были полны крови и слез.

Порой враги расходились и снова кидались навстречу с такой силой, что стук их рогов далеко разносился кругом, а из легких вырывался тяжелый храп, переходивший порой в яростный стон.

Место, на котором кипел бой двух гигантов, было словно распахано острыми копытами зверей.

Широкорогий оказался слабее Длиннобородого, но кроме того более горячим и более ловким в бою.

Желая избежать рытвин, Длиннобородый хотел перейти и вдруг ступил на топкое место. Отражая при этом удар противника, он поскользнулся и упал на колени. Этого было достаточно для того, чтобы Широкорогий тотчас же сбил его на землю и, не давая оправиться, крепко ударил рогами в грудь.

Длиннобородый больше не защищался. Он только попытался встать, но был снова опрокинут ударом противника. Широкорогий словно обезумел от битвы; он уже без нужды продолжал бить упавшего и рогами и копытами, и, быть может, забил

бы насмерть, если бы жалобное мычание лосихи не отвлекло его от врага. Оставив его, Широко-рогий побежал к ней, а она в испуге бросилась в бегство, как когда-то убегала от Длиннобородого.

Ее преследователь был изнурен напряженной борьбой, и лосихе удалось легко опередить его вместе со своим тонконогим лосенком.

III. Снова вместе

Прошло несколько месяцев. Стояла глубокая зима. Ветви берез принарядились инеем и снегом. Широкие лапы елок держали на себе целые подушки снежного пуха.

У белок наступала беспокойная пора перед тем, как они начинают жить семьями,—пора игр, неутомимой беготни и жестоких ссор между самцами.

Когда однажды белки гуськом спустились на снег, они вдруг были остановлены необычным видом поляны.

Вместо пушистой белоснежной скатерти, перед ними было вытопанное место, усыпанное волосками выпавшей бурой шерсти и раскиданными там и сям кучками навоза. От плотно утопанного снега крепко пахло тем особенным запахом, который идет от зверей с копытами и рогами, и на земле можно было различить несколько продолговатых углублений, вероятно, отпечатавших крупные тела отдохавших животных.

И в то же время где-то позади послышался шелест ольховника и шум нескольких пар тяжелых ног. Белки опроретью кинулись вверх по сосновым стволам и, взобравшись на ветви, с любопытством уставились своими быстрыми маленькими глазенками на приближавшихся животных.

Это были лоси.

Впереди шел крупный самец, за ним две самки, а за каждой шагало по два десятимесячных лосенка, уже окрепших и сильно подросших. Сзади шла лосиха с одним тонконогим лосенком. Шествие замыкал огромный лось с молоденькой лосихой. Он слегка прихрамывал, а на груди и боках были заметны несколько крупных рубцов, затянувших глубокие и широкие раны.

Это был не кто иной, как Длиннобородый, а передний—его победитель, Ширококорогий.

Не так давно они снова сошлись вместе. Ширококорогий ходил с довольно большим стадом, состоявшим из трех лосих с пятью лосятами. Одна из этих лосих была та самая, которую он отбил у Длиннобородого, чуть не убив его самого.

Длиннобородый не сразу оправился после неудачного боя, но его могучая натура и на этот раз взяла свое.

Силы вернулись к нему, и он снова начал бродить, и как только немного окреп, покинул торфяное болото, ставшее ему постылым. Снова он делал большие переходы по ночам, забираясь на

день в лесные чащи или поросшие кустами болота, где молчаливо простаивал, отдыхая и подкармливаясь древесной корой.

Когда прошла осень и наступила зима, миновала для лосей беспокойная пора усиленных скитаний и ожесточенных битв, сильно подрывавших силы старых лосей. Каждый мирно бродил со своим стадом и не зарился на чужое.

Вот в это время к стаду Широкогого неожиданно вышел на одной остановке Длиннобородый. Он был не один. Молоденькая, изящная лосиха доверчиво шла за ним, упруго ступая тонкими ногами.

Оба самца подошли и обнюхались. Мысль о поединке теперь не пришла им в голову. Они хорошо узнали друг друга. Пора боев миновала для них вместе с осенними днями.

И лоси не разошлись, а образовали одно дружное ющее стадо. То один, то другой лось шел впереди, а порою все стадо послушно следовало за самой старшей лосихой.

Когда миновала первая половина зимы и дни стали заметно прибавляться, самцов потянуло на большое болото у озера, и они повели к нему юстальных.

Запутанными путями добрались они наконец до озера и основали свое пастбище на том самом лесистом берегу, на котором так часто скрывались когда-то они оба в прошлом году.

Стадо из одиннадцати лосей, поселившееся на лесном болоте, не могло, конечно, остаться не

замеченным для людей. Как ни были осторожны лоси, они не могли избежать встречи с двуногими существами. В лесу люди чаще и чаще встречали крупные размашистые следы лосиных копыт; дровосеки находили следы зубов на стволах и оголенные лосями кустарники и молодые деревца. Запоздалому путнику случалось застать иногда все стадо, пересекающее лесную дорогу и поспешно скрывающееся в чаще.

Слухи о лосях росли, и число виденных зверей значительно преувеличивалось. Говорили, что весь лес полон лосятами, что их тут целые десятки, может быть, сотни.

Тем временем в жизни лосей наступила важная перемена.

Пришла весна с ее светом, движением, туманом и радостным гомоном птиц. Забормотали в глуши старые косачи, заграяли грачи, защелкали по соннам длинными клювами дятлы. Старая лосиха последнее время испытывала смутную тревогу.

Ей стало казаться, что на их лосиных тропинках и в тех местах торфяника, куда ходили лоси, стало чаще и чаще пахнуть следами человека. Ее звериное чутье говорило о том, что это не предвещает добра. Она несколько раз пыталась увести стадо от становящегося опасным болота, но это ей не удавалось.

Самцы упрямылись и поворачивали назад: они привыкли к глухим дебрям лесного болота.

Но однажды, когда стадо прошло наискось через лес и вышло к темным крестьянским полям, которые нужно было перейти в другой лес, тянувшийся на несколько десятков верст вдоль реки, самцы, как и прежде, остановились и повернули назад.

На этот раз лосиха не последовала за ними. Теперь, когда оставалось каких-нибудь два-три месяца до рождения новых лосят, дружба между самками и самцами все равно должна была прекратиться. У лосих начиналась своя отдельная особая жизнь.

Они стремились стать одинокими.

IV. Гибель Длиннобородого

Было за полночь, когда стадо разделилось у края мокрого леса. Длиннобородый и Ширококорый сперва были немного удивлены, что лосихи не повернули за ними. Они постояли некоторое время в кустах, оглядываясь на удалявшееся через поле стадо. До их ушей долетало чавканье вязнувших ног в размягшем суглинке пашни. Ветер доносил им знакомый запах. Казалось, они были в нерешительности, в какую же сторону им идти.

Вдруг Длиннобородый гордо потрянул огромными венцами своих рогов, фыркнул и пошел к озеру. Ширококорый двинулся вслед за ним, и оба они зашагали крупной походкой среди кустов.

Смолистый аромат отмокающих березовых почек, дух прелой листвы и пахучий воздух близкого лесного болота вливался в их ноздри.

Теперь они снова были только товарищами, которым было суждено вместе коротать время и вместе бороться за жизнь. Шаги их стали более легкими и упругими на утоптанной ногами лосиного стада тропинке.

Было раннее туманное утро, когда они вышли к торфянику, там, где обыкновенно привыкли выходить. Им давно уже было время быть в ольшанике.

Солнце показывалось из-за озера сквозь порозевший туман. Птицы начали свои весенние песни. Тетерева, бекасы, дрозды, зяблики, вальдшнепы в лесу и гагары на озере—все были слышны тут.

Вдруг подозрительный шорох в кустах заставил друзей вздрогнуть всем телом, а через минуту гром выстрела из-за опушки оглушил их. Разом шархнулись лоси и понеслись в кусты и болотные кочки.

Им вслед прозвенели еще два выстрела один за другим, и Длиннобородый почувствовал, как что-то острое кольнуло ему в грудь. Он прибавил шагу и несколькими прыжками обогнал товарища. Они неслись, расплываясь над землей, а синеватый дым пороха клубился и застилал опушку. Из-за нее выбежали двое людей, махали руками и кричали: «Ушли, ушли!».

А лоси через чашу, канавы и топи, через широкие весенние разливы и полные водой трясины бежали к журавлиному островку. В ушах их отдавался гул выстрелов, сердце усиленно билось.

Когда Широконогой почти доплыл и с усилием выбрался на островок, Длиннобородый был уже там. Но вид его был страшен и жалок в одно и то же время. Грудь его шумно вздымалась и падала, в горле kloкотали тяжелые громкие хрипы; с морды падала ключьями кровавая пена.

Все тело его вздрагивало и шаталось, он стоял, с трудом удерживаясь на ногах. Вдруг колени его стали подгибаться, и он тяжело рухнул на землю. Широконогой подбежал к нему и низко пригнул морду к упавшему товарищу. Тот был еще жив, но кровавая пена все сильнее бежала и пузырилась изо рта и ноздрей. Широконогой лизнул своим длинным языком по его теплым губам.

Длиннобородый поглядел на товарища долгим страдающим взглядом.

А кругом шевелились от ветра ветки берез, пела зорянка в густом орешнике, блеяли бекасы над болотом, и где-то высоко под небом играли свирели перелетной лебединой стаи.

ЛЕСНОЕ БРАТСТВО

Рассказ А. Герберта

Наконец лось ушел от своего преследователя, скользившего на быстрых лыжах, и опустил под исполинской елкой, ветви которой, украшенные и отягощенные снегом, грациозно опускались к земле. Каждый нерв громадного лося напряженно дрожал, когда он лежал, вытянув усталые ноги.

Вдруг в кристально ясном воздухе пронесся унылый, слабый, но непрерывный звук и с каждой минутой стал усиливаться. Лось вскочил,—он хорошо знал, что это значило. Бежали волки, перекликаясь между собой.

Испуганным животным стал овладевать ужас. Неясный далекий вой голодной стаи делался все ближе и отчетливее.

Жизнь лося снова висела на волоске.

Если бы он мог все время бежать по мягкому снегу, лежавшему под деревьями, он еще имел бы возможность спастись: на несмерзшейся снежной поверхности лось уходит от самого быстрого из серых хищников. Кроме того, он все же был на

несколько миль впереди стаи, хотя бегство и измучило его.

Но в сравнении с громадным туловищем лося его копыта необыкновенно малы: непрочная копытка наста выдерживает волка, даже несколько волков, но проламывается под копытами тяжелого лося, и тогда вся выгода оказывается на стороне преследователей.

Лось хорошо знал образ действия волков. Они долго гонят крупное животное; потом самый большой обгоняет его, кидается ему навстречу, в то же время избегая его ударов; остальные, менее сильные, стараются перегрызть сухожилия задних ног своей жертвы.

Усталый лось поднялся, смертельный страх приливал к его горлу, душил его, но он побегал с быстротой лошади, стараясь выбирать более выгодную дорогу. Время от времени он встречал наметенные ветром сугробы; они поднимались крепкими валами, преграждавшими ему путь; время от времени поток, глухо журчавший под ледяным покровом, заставлял несчастное животное сворачивать в сторону.

Силы лося убывали с каждой минутой, с каждым тяжелым вздохом. Глубоко зарытые сгнившие корни, казалось, старались захватить его ноги; с ветвей деревьев хлопьями падал снег, мешая ему видеть путь.

Но вот стало очень светло; на небе стояла полная луна; на снегу лежали резкие тени деревьев.

Бежать стало легче. Лось инстинктивно понял, что он очутился на тропе, проложенной не зверями. Это был путь траппера, помеченный зарубками на деревьях. Проламываясь сквозь густую чащу, лось почувствовал, что его передняя нога попала в петлю, привязанную к палке, преграждавшей тропинку. Но это был силок для рыси, а не для лося, и всережки порвались.

А вой раздавался попрежнему.

Лось слышал, как волки настигали его, громадные, сильные. Их было десять или двенадцать, не больше,—волки Аляски никогда не собираются в такие большие стаи, какие образуют их русские собратья. Они быстро неслись по снегу, и их лапы сухо стучали.

Лось бежал, закинув голову, порывисто дыша, как бы всхлипывая. Отчаянное бегство стало для него почти механическим движением, он был осужден и знал это. Если бы лось не устал, убегая от охотника, он жестоко сразился бы с волками своими острыми копытами и могучими рогами, но теперь он совсем не был способен к сопротивлению.

Вдруг лось увидел какой-то золотой блеск и свет между обнаженными стволами призрачных деревьев, и его мужество ожило.

Лось принял этот свет за лесной пожар, от которого он бежал летом. Тогда лось боялся, теперь же нет. Пожар, наоборот, спасет его... Если бы лосю только удалось вынести его уколы, ожоги,

миновать его пламенные, прыгающие языки, очутиться по ту сторону захваченного пожаром пространства, он все же, может быть, ушел бы от врагов. Волки ни за что не решились бы стать лицом к лицу с огнем...

Но лось ошибся.

Среди рощицы деревьев, где была прорублена небольшая полянка, стоял грубо выстроенный бревенчатый дом, футов двадцати в квадрате. Щели между бревнами были законопачены мхом и землей; над маленькой печной трубой из листового железа вилась спираль дыма. Низ дома для защиты от холода прикрывала земля, дверь была пригнано плотно. Окно, в котором кусок пропитанного свечным салом полотна заменял стекло, было тоже без щелей.

В нескольких футах от дома пылал большой костер, перед ним были натянуты шкуры разных животных: лисиц, куниц, горностаев, речных бобров; они сушились. Рядом с ними висела вся обледелая рысь с неснятой кожей.

В темной двери дома показалась одетая в мех фигура, и красный свет костра придавал орлиным чертам траппера дикую красоту.

— Ну,—громко произнес он,—ну!—И сам вздрогнул от звука своего голоса.

В течение долгих месяцев он оставался один в лесу, и своя собственная речь казалась ему странной. Двигался этот человек бесшумно, как те пушные звери, за которыми он охотился. Одну за

другой снимал он шкуры со стоек и ящиков, на которых они были натянута, чтобы, ссыхаясь, они не делались меньше. Собрав меха, ловец унес их в свой дом.

Затем траппер вышел снова, подбросил охапку сучьев в уголья, и искры золотым потоком поднялись и посыпались во все стороны.

Лось бежал на свет. Он знал теперь, что это не лесной пожар, а что-то имевшее отношение к двуногим, которые избивали его родичей. Но, во всяком случае, человек был менее страшен, чем стая врагов, которая с воём гналась за ним.

Траппер замер на пороге дома, держа ружье наготове. До сих пор он еще никогда не слышал мрачного призыва волчьей стаи. Вой этот заставил его сердце сжаться, а кровь похолодеть. До сих пор он считал себя непоколебимым, как скала, но этот мрачный звук, донесшийся вместе с ночным ветром, действовал ему на нервы. К счастью, огонь разгорался ярко, и волки не решатся подойти близко.

Вдруг из-за расплывчатых контуров лесных деревьев показалась фигура большого зверя. Она беспомощно раскачивалась из стороны в сторону, и свистящее, тяжелое дыхание разрезало тихий воздух. Иногда туманный силуэт сильно качался, почти падал, потом снова поднимался и с трудом двигался вперед. Траппер наблюдал за лосем и не мог отвести глаз от приближавшегося животного.

Лось подбежал прямо к дому. Жалобные, запавшие глаза лося смотрели в стально-серые глаза человека, которые были широко открыты от изумления.

Под самым ружьем охотника был громадный запас лосиного мяса, запас, которого хватило бы на много недель. Но человек бесшумно положил оружие на утоптанную землю, заменяющую в его доме пол.

— Ничего, старина, ничего,—тихим голосом сказал он, не спеша дотронуться до громадного гостя, который стоял перед ним.

Охотник боялся испугать и прогнать его.

Лось тяжело прислонился к стене дома и опустил голову. Его большие рога поднимались, точно ограда над еле шевелившимися ушами. Целое облако пара стояло над ним. И вдруг, точно неспособные выдерживать тяжесть большого тела, ноги лося подогнулись и громадное животное опустилось на землю.

Траппер, стараясь не испугать его, вышел из дому, нагнулся над костром и прибавил в огонь топлива. Он делал все это торопливо, опасаясь волков; потом прислушался. Тишина... Стая пробежала мимо, не выдержав вида пламени. Теперь кругом стояло полное молчание темной, морозной северной ночи. Нигде в мире не бывает такой тишины.

Всю ночь человек поддерживал пламя; всю ночь лось спал, истощенный долгим бегством.

Раза два траппер подкрадывался к своему гостю и смотрел на него. Никогда еще не видывал он таких рогов, которые, как ему подсказывал опыт, достигли наивысшего развития. Он любовался на них, опытным глазом измерял их, считал их от-ростки.

Если бы траппер добыл этот трофей и отвез его в ближайший торговый пункт, любой скупщик дал бы за него сто долларов, даже больше. Ведь эти рога могли с честью украсить любой нью-йоркский спортсменский клуб.

А между тем, глядя на склоненную голову лося, траппер чувствовал странную, небывалую нежность. Мягкие чувства не часто закрадываются в сердце охотника. Он убивал множество животных, а между тем вид лося, который доверился ему, который так смело попросил у него огстеприимства, странным образом волновал двуногого жителя лесов.

Случилась странная, необыкновенная вещь. Расскажи ему об этом кто-нибудь другой, траппер недоверчиво засмеялся бы: перед ним лежал лось, вероятно, тот самый, за которым он целый день гонялся на лыжах.

И траппер почему-то почувствовал, что не решится поднять на него руку.

Ночь прошла, рассвет пробудил лес... Легкие пурпуровые, розовые, золотые и голубоватые облака перерезали горизонт. В прозрачном утреннем воздухе стояли мрачные силуэты обнаженных

деревьев. Над дорожкой траппера почная дымка рассеивалась под дыханием ветра с ледяных гор. Его дыхание осыпало мелким порошком снега тело лося, который все еще лежал близ закрытой двери домика траппера.

Сильный порыв ветра вдруг налетел на дом.

Печная труба сорвалась со своего места на крыше, упала как раз на голову лося и внезапно разбудила его. Он мгновенно очутился на ногах, готовый к немедленному бегству.

В течение секунды стоял он, точно каменное изваяние, подняв свой округленный нос. Яркий утренний свет обливал его голову, отчетливо определяя грациозный контур его массивного тела. Потом он с ужасом почувствовал человека. Заметная дрожь пробежала по его телу, он весь сжался и, описав большой круг, бросился бежать.

Трррах! Громадные рога ударились о выдававшуюся балку на углу дома. Левый из них зашатался и упал на землю. Подходило время смены рогов, и удары, которые они ночью получили во время безумного бегства животного, ускорили это дело.

Лось усиленно потряс головой: он чувствовал на ней непомерную тяжесть. И вот второй, правый, рог бесшумно скользнул вдоль его плеча и вырвался на белизне снега. Теперь большой лось уже без препятствий исчез в темноте леса, затерялся в чаще...

Дверь дома открылась, отодвигая нанесенный на нее снег. Траппер, готовый отправиться по своей длинной тропе осматривать силки и тенета, взглянул на то место, где недавно лежал лось. Его глаза проследили за отпечатками ног животного и заметили исполинские рога, лежавшие на земле.

Он подошел, поднял, их, ощупывая их как бы отполированные отростки, и любовался ими.

— Ну,—прошептал он наконец,—ну?!.

В этом странном восклицании выражалась и радость, и удивление, и признательность...

ЛОСИ-БЕГЛЕЦЫ

Рассказ Чарльса Робертса

I. Смутная тревога

Озеро это находилось на возвышенной пустынной равнине. Обширная поверхность его блестела, как стекло, под лучами заходящего солнца. Видневшийся вдали западный берег был покрыт низкорослыми соснами, верхушки которых резко выделялись на фоне вечернего неба; смутные, туманные очертания низменного берега на востоке не были покрыты никакой растительностью, за исключением того места, где у самого устья реки, впадавшей в озеро, виднелась густая роща ив и тополей.

На зеркальной поверхности озера показалось вдруг черное пятно... Нет, два черных пятна, двигавшихся по направлению от западного берега. Эти черные пятна были не что иное, как головы плывущих лосей—самца и самки, которые быстро прорезали воду, оставляя позади себя переливавший всеми цветами радуги след.

Туловища животных были погружены в воду, и на поверхности виднелись только темные

красивые головы их, с вытянутыми вперед мордами, бороздившими воду. Высокие рога самца, массивные и ветвистые, были откинута на скрытые под водой плечи. Глаза обоих выражали ужас, безумный панический ужас. Странно было видеть лосей в таком угнетенном состоянии и притом в такое время года, когда исполинские самцы жаждут битвы и готовы смело встретиться лицом к лицу со всяким врагом. Укротить их мог только один ужас, внезапно нахлынувший откуда-то...

Ни лось, ни лосиха, не знали, от чего или от кого они убегали. Вот уже несколько дней, как самка чувствовала себя беспокойной, а самец находился в раздраженном настроении. В воздухе чувствовалось приближение непонятной и не осязаемой еще опасности.

Непонятный ужас охватил прежде всего другие, более мелкие виды лесной дичи; от нее каким-то таинственным способом смутное сознание этого ужаса передалось и огромному, неукротимому лосю.

Когда лосиха стояла у окраины озера и крикнула свой призыв самцу, она чувствовала себя угнетенной страхом того, что на зов ее может явиться кто-нибудь другой вместо спутника ее жизни. Но на зов явился лось, внезапно подкравшись к ней без малейшего шума и словно опасаясь, что кто-нибудь поджидает его в засаде, чтобы преградить ему путь. Темная высокая фигура его, словно тень, выросла рядом с нею, как только первые звуки ее призыва нарушили тишину безмолвной пустыни.

И вот, когда они стояли таким образом, прижавшись мордами друг к другу, мимо них промчался краснобурый олень, испуганный и растерянный, что резко противоречило его обычному гордому и уверенному виду.

Не успели еще лоси опомниться от ужаса, охватившего их при виде промчавшегося оленя, как из кустов вынырнула лисица. Увидя лосей, она осторожно приблизилась к берегу и уселась в каких-нибудь двенадцати футах от них. Проницательные глазки ее зорко всматривались в лосей, словно она о чем-то раздумывала и что-то соображала.

Будь это при обыкновенных обстоятельствах, лоси непременно возмутились бы ее появлением и прогнали бы ее прочь, но сегодня они с безмолвным и тревожным вопросом уставились на нее. Выражение глаз смотревших на нее лосей, повидимому, многое сказало лисице, и она поняла, что здесь ей нечего ждать помощи. С тревогой оглянулась она через плечо на темнеющий ряд сосен, откуда только что вышла, затем медленно поднялась на ноги и, окинув взглядом стоявшую на берегу пару, пошла по берегу озера.

Лоси, внимательно следившие за лисой, увидели, как она, поравнявшись с густыми зарослями ивы, вытянулась вдруг во всю длину и понеслась отчаянным галопом.

Внезапное бегство такого умного животного, как лиса, еще больше увеличило волнение лосей. Много видели они лисиц, но никогда не видели, чтобы

хоть одна из них вела себя так странно, как эта. Чего ей нужно было от них? Почему она так робко смотрела на них? Почему так стремительно убежала?

Мурашки забегали у них по телу, и они, прижавшись ближе друг к другу и повернувшись спиной к озеру, стали смотреть в темную чащу, куда оглянулась убежавшая лиса. Там жили они, среди этих темнеющих сосен и елей, там находили себе тихое пристанище и отдых, а теперь смотрели туда с таким недоумением и подозрением.

Зоркие глаза лосей ничего там не увидели. Зато большие чуткие уши их, поднятые вверх, уловили едва слышные звуки, нарушившие вдруг безмолвную тишину вечера. Звуки напоминали топот множества ног. Вслед за этими звуками замелькали там и сям среди чернеющих теней чащи бледно-зеленые огоньки, которые могли быть чьими-нибудь глазами. И наконец дыхание ветерка, хотя настолько мало ощутимое, что даже длинные космы волос под шеей лося ничуть не шевельнулись, принесло чутким ноздрям его вместе с испарениями леса какой-то запах, незнакомый, но явно зловещий. Запах этот грозил им чем-то.

Со страхом и в то же время негодованием медленно попятились лоси в воду, не спуская глаз с чащи леса. Сделав неожиданно быстрый поворот, они бросились в подернутую оранжевым отблеском воду и направились к противоположному берегу, чтобы искать себе там убежища.

II. Волчья стая

Стая состояла из восьми исполинских волков и еще одного, поменьше и постройнее остальных. Восемь волков-гигантов представляли собой такие грозные фигуры, какие никогда еще не появлялись в восточных пустынях Северной Америки и какие встречаются только в дремучих лесах Аляски.

Родина их находилась к югу от реки св. Лаврентия, в небольших и почти неисследованных лесах северного Вермонта, откуда они перекочевывали на северо-восток, отыскивая более обширные и пустынные леса.

Появление их на востоке совершилось следующим образом. Несколько лет тому назад из кочующего зверинца, посетившего одно из селений северного Вермонта, убежал огромный волк. За ним охотились с криком и гиканьем в течение нескольких дней. Но он был умнее. Он до тех пор несся во весь опор, пока между ним и его преследователями не получилось вполне для него безопасное расстояние и пока он не добрался наконец до дремучего леса, в котором мог найти себе убежище. Здесь он охотился очень осторожно, нападая только на косуль, зайцев и другую дичь и остерегаясь приближаться к человеческому жилью. Благодаря такой осмотрительности люди даже и не подозревали о его присутствии.

Прошло несколько времени, и он случайно встретился вблизи одной деревни с длинномордой,

похожей на волка, собакой; ему удалось заставить ее бросить своих хозяев и вернуться к жизни на свободе, к которой она всегда питала непонятное влечение. Собака стала охотиться вместе с ним и скоро принесла ему двух щенят.

Щенята выросли такими же огромными и дикими, как их отец, но далеко не такими умными, как он, хотя были несравненно более злого нрава. Они повиновались своему вожаку, потому что боялись его и чувствовали над собой его превосходство, да к тому же питали значительную долю уважения к злобным и всегда внезапным вспышкам своей матери.

Когда же наступило холодное время и дичь сделалась более редкой, волки не могли устоять против искушения поохотиться по соседству с поселками и привлекли на себя внимание людей. Они стащили несколько отставших от стада телок и изрядное количество овец, за что поселенцы расстреляли нескольких из них. Тогда мудрый вожак строго-настрого приказал собраться всей стае и увел ее на восток.

Путешествие это оказалось очень продолжительным и сопровождалось многими опасностями. Временами волкам попадалась одна только мелкая дичь, и стая сильно голодала. Случалось и так, что им долго не встречались лесистые места, где все-таки было чем поживиться, и нередко голод вынуждал волков нападать на деревенские стада.

В таких случаях поселенцы преследовали их с целой сворой собак, с ружьями и проклятиями. Некоторые из зверей навсегда унесли с собой заряды в теле, что заставило оставшихся в живых убедиться на собственном опыте, насколько необходима в их жизни осторожность и умение скрыться от человека.

Таким образом, когда волки добрались наконец до пустынного округа сосновых лесов, озер и целого лабиринта ручьев и рек, где границы Мэна соединяются с границами Квебека, они окончательно приучились к дисциплине и осторожности. Трудно себе представить что либо более ужасное, чем нашествие этой стаи на ту область, где жили наши лоси. Все обитатели леса в смятении бежали от хищников.

Однажды, в тот самый вечер, когда лосей охватила смутная тревога, волки, следя за бежавшей лисицей, заметили и этих невиданных ими зверей. С удивлением смотрели они из-за кустов на крупных, высоких животных, черные фигуры которых отчетливо выделялись на фоне воды, и не решились наброситься на этих широкоплечих, длинно-мордых чудовищ с широкими копытами и грозным видом. Они ждали знака своего осторожного вожака, но тот не спешил, повидимому, дать этот знак. Он не знал, сколько мужества, сколько силы скрывается в этих громадных тушах, так похожих и так непохожих на оленя.

Но как только лоси, охваченные паническим ужасом при виде испуга лисицы, бросились вдруг в

воду, он тотчас же вывел заключение, что дичь эта вполне пригодна для охоты.

Выйдя на открытый берег, вожак несколько минут смотрел вслед беглецам, пока не установил, куда они плыли, затем он окинул взором берега озера, словно избирая кратчайший путь. Потом он вернулся обратно в чашу. Не прошло и минуты, как стая неслась уже полным ходом по направлению верхней части озера, которая находилась на расстоянии семи—восьми миль.

Лоси тем временем добрались до противоположного берега и вышли мокрые и черные, в том месте, где рос ивняк. Но они не захотели оставаться там. Они жаждали перемены места, а лось, вздумавший переселиться, идет обыкновенно далеко.

Длинной, неуклюжей рысью, без всякого, повидимому, напряжения и в то же время оставляя позади себя целые мили, неслись они вдоль реки до тех пор, пока покрытая кустарником равнина перешла постепенно в низменное плоскогорье, кое-где поросшее лесом. Лоси преследовали одну только цель—уйти по возможности дальше от мелькавших в чаще зеленых глаз и топота разбойничьих лап.

Они и не подозревали того, что теперь путь их идет как раз навстречу волкам.

III. Неожиданная помощь

Река, протекавшая большое расстояние по низкому плоскогорью, расширялась постепенно, образуя

целый ряд широких, с спокойным течением колен, соединения которых давали нечто вроде извилистого лабиринта озер. На берегу одного из более крупных озер росла роща ясеней, тополей и бузины, образуя как бы остров посреди открытого луга. В роще скрывались два охотника. Они пришли сюда с восточного побережья, перешли горы и спустились в эту уединенную долину в надежде поохотиться на лосей.

Они принесли с собой ружья, а у одного из них, человека исполинского роста, и, судя по одежде, проводника, был кроме того небольшой топор и длинный сверток из березовой коры, напоминавший собой трубу.

Охотники постарались устроиться по возможности удобнее для предстоявшего им долгого ожидания и уселись, опираясь спинами о ствол огромного ясеня; здесь они были скрыты от посторонних взоров и могли свободно видеть всякого зверя, вздумавшего направиться в сторону их засады.

Прошло минут десять полной тишины, которая могла довести нервы непривычного человека до высшего напряжения; проводник Адам Мур поднес к губам трубку из березовой коры, и в ту же минуту в роще прозвучал призыв самки лося; резкий, дикий, но невыразимо тоскливый и вполне гармонировавший с окружающей дикой природой.

— Клянусь честью, Адам,—пробормотал Роусон,—вы попали в самую точку.

После нескольких минут молчания Адам снова повторил тот же призыв, который на этот раз был еще тоскливее. Затем он опустил трубку на колени и приготовился ждать.

В воздухе не слышно было ни малейшего дуновения ветерка. И вдруг где-то поблизости раздался треск ветвей. Треск слышался постепенно все ближе и ближе.

— Я так и думал, Адам, что вы проведете его,— прошептал Роусон тихо, как шелест ветерка среди тополевой листвы. Он приготовил ружье и стал на одно колено.

Не прошло и минуты, как Адам осторожно притронулся рукой к его плечу.

— Не странно ли,—шепнул он,—что их два?

Из-за группы деревьев, росших на лугу, на расстоянии трехсот шагов от рощи, выбежали наши беглецы. Несмотря на расстояние, ясно было видно, что они прибежали сюда издалека и очень устали, особенно самка, которая спотыкалась на каждом шагу. У самца были великолепные рога, но Роусон сразу заметил, что животное находится в полном изнеможении, и невольно опустил ружье.

— Не понимаю, в чем тут дело,—шепнул проводник, осторожно поднимаясь на ноги и держась под прикрытием бузины.

Беглецы шли прямо на людей, рассчитывая найти убежище в ясеновой роще; охваченные ужасом перед неизвестным, которое преследовало их, они не

думали, что могут наткнуться здесь на какую-нибудь опасность. На полдороге от рощи лежало бревно, принесенное сюда водой во время последнего разлива реки. Самец перешагнул через него, но самка, ничего от усталости не видевшая перед собой, споткнулась и упала с легким стоном, вытянув вперед морду. Так она и осталась лежать; словно ей было все равно, какая судьба ее ждет.

Не видя подле себя своей подруги, самец остановился, и, подойдя к ней, наклонил голову и осторожно стал ее обнюхивать. Он толкнул ее мордой и даже слегка ударил острыми концами рогов, как бы желая силой заставить ее встать. Увидя наконец, что все старания его напрасны, он остановился подле нее и устремил пристальный взгляд в ту сторону, откуда они пришли.

— Вот так дичь!—прошептал Роусон, глаза которого засверкали от восторга.

Вдруг кусты, росшие далеко на лугу, раздвинулись и пропустили стаю волков, глаза которых горели, отражая свет луны.

— Волки! Лесные волки!—воскликнул Мур с нескрываемым удивлением. Он был родом с запада и хорошо знал тамошних волков.—Восемь штук!

Он бросил на землю березовую трубу и взял ружье.

Доведенные до бешенства продолжительным преследованием волки без малейшего колебания бросились к лосю. Впереди всех неся серый вожак.

Лось продолжал стоять, не отступая ни на один шаг, и смотрел, как они бежали, с оскаленными белыми клыками и свержающими глазами.

Не успел вожак прыгнуть к нему, чтобы схватить его за горло, как лось поднялся на дыбы и, вытянувшись во весь рост, взмахнул изо всей силы острыми копытами. Неподготовленный к такому способу защиты вожак не успел отскочить в сторону и удар пришелся ему прямо по лбу. С раздробленным черепом волк свалился на землю.

В следующую секунду раздался выстрел ружья Роусона и свалил второго волка. Остальныецепились тем временем в шею и бока лося, пытаясь свалить его с ног. Англичанин выстрелил вторично и, не дожидаясь результата, бросился на выручку к лосю, продолжая набегу размахивать ружьем. Мур, не решавшийся стрелять из опасения попасть в Роусона, бросил ружье, и, выхватив из-за пояса топор, большими скачками пустился ему вдогонку.

Роусон ударил стволом ружья ближайшего волка, терзавшего шею лося, и в эту минуту увидел вдруг другого волка, который яростно набросился на него. Инстинктивно крикнул он: «Вон! пошел вон!» и ногой дал ему пинка под самую морду.

Волки, потерявшие своего мудрого вожака, который учил их осторожности, и, взбешенные непрошенным вмешательством в их дело, обратили всю свою злобу на новых противников. Роусон вынужден был защищаться от нападения зверей, бросившихся на него с горящими от злобы глазами;

он мог только отгонять их толчками и пинками, так как они не давали ему времени размахнуться для настоящего удара. На выручку к нему подоспел в эту минуту гигант-проводник, топор которого действовал так успешно, что из пришельцев скоро осталось в живых только трое.

Лось-самец, шея и плечи которого были залиты кровью, чувствуя себя освобожденным от нападения, снова пустил в ход передние копыта, что делало его одинаково опасным как для врагов, так и для друзей. К счастью, удар копыт пришелся по бедрам волка—противника Роусона, заставив его с злобным рычанием повернуться задом к последнему. Это дало Роусону возможность размахнуться и тем закончить борьбу.

Из оставшихся двух волков один набросился на Мура, но был встречен ударом топора. Волк, оставшийся в живых, отскочил назад, услыша предсмертный вопль товарища, и пустился бежать с поля битвы. Мур бросил топор ему вдогонку. Брошенный с ловкостью умелого охотника топор мелькнул в воздухе и вонзился в спину беглеца. Проводник спокойно подошел, взял топор и прикончил волка.

Тем временем самка лося, успевшая притти в себя стала подниматься на ноги. Самец заметил это и с грозным видом повернулся к своим спасителям. Роусон во-время успел отскочить в сторону и избежал таким образом опасного удара.

— Наше присутствие нежелательно здесь больше, — сказал он со смехом и направился к роще.

ЛИКИ ЗВЕРИНЫЕ

15 сборников необычайных рассказов из жизни домашних и диких животных

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛ. А. ПОПОВА

Все книги в красочных художественных обложках и с рисунками худ. **В. Ватагина**

ОБЕЗЬЯНЫ

Обезьяны. Очерк (по Брэм у). — **Оранг-спаситель.** Рассказ А. Хублона. — **Гора павианов.** Рассказ Мортимера Баттена. — **Храм обезьян.** Рассказ Томпсона Кросса. — **Обезьяна шарманщика.** Рассказ из нью-Йоркской жизни Германа Шефауэра. — **Горилла на корабле.** Морской рассказ кап. Фурга. — **Господин леса.** Рассказ из жизни даяков острова Борнео Морица Эрстера. — **Беглец Беппо.** Приключения ручной обезьяны. — **Среди „лесных людей“.** Рассказ из жизни человекообразных обезьян Рони.

СЛОНЫ

Слоны. Очерк (по Брэм у). — **Танец слонов.** Из жизни индийских рабочих слонов. Рассказ Киплинга. — **Слон Юмбо.** Приключения африканского слона. Рассказ Вл. Алешина. — **Слон Рваные уши.** Приключения дикого индийского слона. Рассказ А. Хублона. — **Слон-мятежник.** Из жизни индийского рабочего слона. Рассказ Киплинга. — **Московский слоненок Бэби.** Из воспоминаний Вл. Л. Дурова. — **Грозный отшельник.** Из жизни дикого индийского слона. Рассказ М. Алазапцева. — **Ловля диких слонов.** Приключения американского траппера Чарльса Майера.

СОБАКИ

Собаки. Очерк (по Брэм у). — **Пятнистый.** Рассказ из жизни пожарной собаки Ллойда Вилиса. — **Бультерьер Снэп.** Рассказ Сэтона Томпсона. — **Алясская собака Волк.** Рассказ Джека Лондона. — **Бонами.** Рассказ Джемстера Огл. — **Цера.** Рассказ Леона Фрапье. — **Бек.** Рассказ Джека Лондона. — **Зонни и Кид.** Рассказ Чарльса Робертса. — **Майк.** Рассказ из жизни эскимосской собаки. — **Грозная стая.** Рассказ Гордона Кассерли.

КОШКИ

Кошки. Очерк (по Брэмму).—**Кот-Робинзон.** Рассказ Ф. Марза.—**Трущобная кошка.** Рассказ Сэтона Томпсона.—**Дикая кошка.** Рассказ А. Калинина.—**Безумство храбрых.** Истинное происшествие.—**Кот Фараон.** Рассказ Ф. Марза.—**Боцман.** Рассказ о замечательном корабельном коте М. Де-Мара.

ТИГРЫ

Тигры. Очерк (по Брэмму).—**Полосатый лорд джунглей.** Рассказ из жизни индийских лесов А. Хублона.—**Как я выудил тигра.** Рассказ Д. Кроутфорда.—**Тигр Голубой Сопки.** Манчжурский рассказ Б. Скубенко-Яблоновского.—**Тигровая осада.** Рассказ Томаса Трипа.—**В пасти тигра.** Индусская новелла Сарат Кумар Гхоша.—**Тигр из Тантанолы.** Рассказ Дональда Маклина.—**Самсон и Далила.** Рассказ Рони Тевенена.—**Желтый глаз.** Туркестанский рассказ А. Романовского.—**Единоборство с тигром.** Рассказ М. Батенина.

ЛЬВЫ

Львы. Очерк (по Брэмму).—**„Господин пустыни“.** Рассказ В. И. Немировича-Данченко.—**О трех львах.** Рассказ Райдера Хаггарда.—**Лев Саладин.** Рассказ Франка Севиля.—**Игрушка львицы.** Рассказ М. Алазанцева.—**Ночь мести.** Рассказ Е. Пеншона.—**Лев Цезарь.** Из жизни циркового льва. Рассказ Оливера Фокса.—**Львиная ночь.** Рассказ д-ра Елисеева.—**У львиного водооя.** Рассказ охотника на львов Стюарта Уайт.

ЛИСЫ

Лисы. Очерк (по Брэмму).—**Лиса браконьера.** Рассказ Луи Перго.—**Лиса-капканщица.** Рассказ Дейне Кулидж.—**Лисята Этьенна.** Рассказ Д. Френсиса.—**Спрингфильдская лиса.** Рассказ Сэтона Томпсона.—**Лисьи фермы.** Очерк о разведении лисиц.—**Рейнеке-лис.** Рассказ Х. Онруд.—**Се-ребристая лиса.** Рассказ Сэтона Томпсона.

МЕДВЕДИ

Медведи. Очерк (по Брэмму).—**На перегонки со смертью.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Игра в прятки.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Медведь в сетях.** Приключение охотника на медведей в Калифорнии.—**Медвежонок-муравьед.**

Рассказ Мортимера Баттена.—Приключения полярного медведя. Рассказ Сейлора.—Медведь-спаситель. Рассказ Чарльса Робертса.—Между лавиной и медведем. Приключение в Скалистых горах.—У тюленьей одушины. Рассказ Чарльса Робертса.—Медвежонок-стрелочник. Рассказ Мортимера Баттена.

ВОЛКИ

Волки. Очерк (по Брэму).—Серый волчонок. Рассказ Джека Лондона.—Волчий вождь. Рассказ Джона Мэкки.—Волк—приемыш отшельника. Канадский рассказ С. Блэка.—Бешеный волк. Рассказ Н. Рагоза.—Одинокий разведчик. Рассказ Ф. Марза.—Волки-призраки. Рассказ из жизни индийских джунглей А. Хублона.—Лобо—властелин Куррумпо. Рассказ Сэттона Томпсона.

КРЫСЫ

Крысы. Очерк (по Брэму).—Слепые крысы. Рассказ Ф. Марза.—Международный враг. Из истории борьбы человека с крысами.—Сумчатая крыса. Рассказ Сэттона Томпсона.—Похождения бурой крысы. Рассказ Чарльса Робертса.—Черная крыса.—Рассказ Ф. Марза.—Крыса и неизвестный. Рассказ Ф. Марза.—Война в лесном болоте. Рассказ Ф. Марза.—Похождения окопной крысы. Рассказ Ф. Марза.

ЛОСИ

Лоси. Очерк (по Брэму).—Лось-великан. Рассказ Чарльса Робертса.—За белым лосем. Рассказ Мортимера Баттена.—Необычайный гость. Рассказ Чарльса Робертса.—Рогатый вор. Рассказ А. Барченко.—Длиннобородый и ширококорый. Рассказ о русских лосях С. Покровского.—Лесное братство. Рассказ А. Герберта.—Лоси-беглецы. Рассказ Чарльса Робертса.

ОЛЕНИ

Олени. Очерк (по Брэму).—В стаде диких карibu. Рассказ из жизни в канадских лесах Чарльса Робертса.—Лесная встреча. Рассказ Чарльса Робертса.—Поездка на северных оленях. Рассказ К. Гакман.—По следам Оленя Песчаного Холма. Рассказ Сэттона Томпсона.—Выстрел сострадания. Рассказ Б. Скубенко-Яблоновского.—Два карibu. Рассказ Чарльса Робертса.—Приключения семьи косуль. Рассказ Ч. Бенсусана.—Бой у источника. Рассказ Чарльса Робертса.

БИЗОНЫ

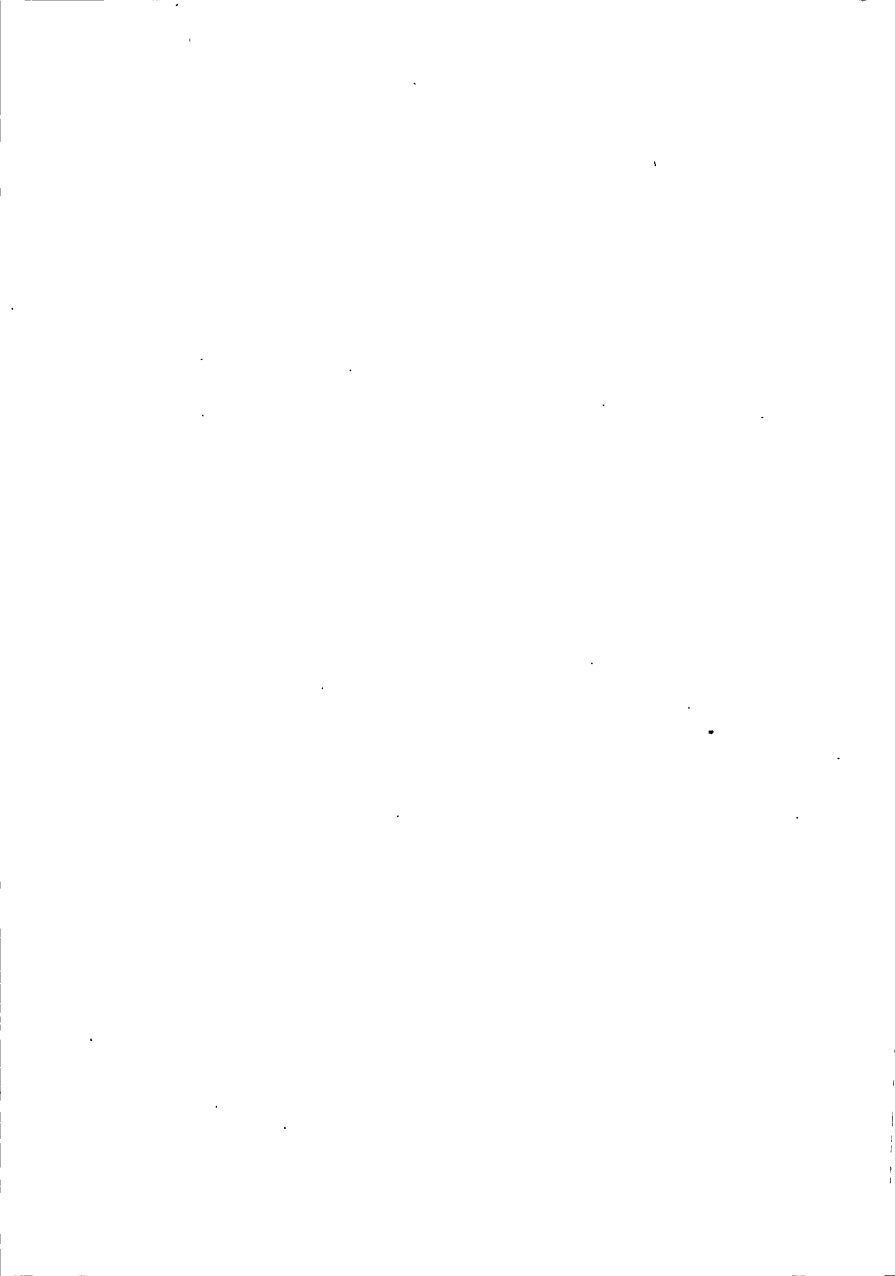
Быки. Очерк (по Брэмму).—**Последний бизон.** Очерк Чарльса Робертса.—**Бизон—решитель судьбы.** Рассказ Мэри Маккинг.—**Всем чужой.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Страшный зверь.** Рассказ Г. Барстоф.—**Братья по ярму.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Встреча с тибетским яком.** Рассказ Д. Рида.—**Последняя великая ловля бизонов.** Рассказ Фредерика Талбота.—**Бычок снежных пустынь.** Рассказ из жизни мускусных быков Чарльса Робертса.

ОСЛЫ

Ослы. Очерк (по Брэмму).—**Три осла в Пиренеях.** Рассказ Лео Уальмслея.—**Длинноухая актриса.** Рассказ Л. Вильямса.—**Осел Упайдуллы.** Рассказ А. Сытина.—**Осел, возненавидевший рабство.** Рассказ Э. Сквайра.—**Удивительный осел.** Рассказ Жирардена.—**Ослица Джаннет.** Рассказ Дзен Грей.

КОНИ

Кони. Очерк (по Брэмму).—**Вороной Скалистых гор.** Рассказ Е. Милльс.—**Укрощение строптивых.** Рассказ Г. Бенно.—**Жеребенок-Робинзон.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Упрямая скотина.** Рассказ Ганса Онруда.—**Вихрь степей.** Рассказ А. Даурского.—**Шахтенный конь.** Рассказ Черкасенко.—**Морской конь.** Рассказ Чарли Джексона.

Цена 70 коп.

Адрес Издательства (Правление):
Москва, Варварка, Псковский пер., 7.

Центральный Книжный Склад:
Москва, Лубянский Пассаж, помещ. 25—30

КАТАЛОГИ по требованию БЕСПЛАТНО